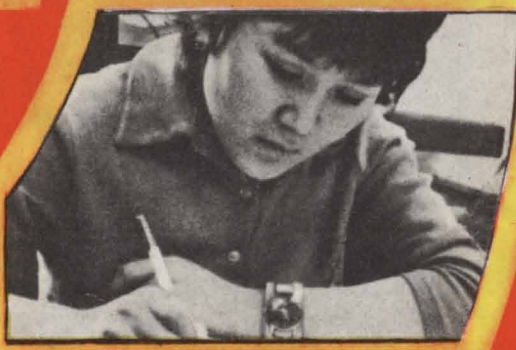

1917.
1977

РАБОТНИЦА

№ 11 • 1977 • Издательство «ПРАВДА»

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СЛАВНОЕ 60-ЛЕТИЕ
ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ!

Москва, Кремль. 7 октября 1977 года. Внеочередная седьмая сессия Верховного Совета СССР девятого созыва. Заключительное совместное заседание палат. На снимках: на трибуне Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев. Депутаты голосуют за принятие Декларации Верховного Совета СССР «О принятии и объявлении Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик».

Фото С. Смирнова и А. Стешанова.

СЛАВЬСЯ, ОТЕЧЕСТВО НАШЕ СВОБОДНОЕ!

Когда я итожу
то, что прожил,
и роюсь в днях —
ярчайший где,
Я вспоминаю
одно и то же —
двадцать пятое,
первый день.

В. Маяковский

7 октября и 7 ноября... Две красные, светящиеся, словно маяки, даты нашего календаря. Два больших всенародных праздника.

«Мы принимаем новую Конституцию в канун 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции, — говорил на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девя-

того созыва товарищ Л. И. Брежнев. — Это не простое совпадение во времени двух крупнейших событий в жизни страны. Связь между ними гораздо глубже. Новая Конституция — это, можно сказать, концентрированный итог всего шестидесятилетнего развития Советского государства. Она ярко свидетельствует о том, что идеи, провозглашенные Октябрем, заветы Ленина успешно претворяются в жизнь».

На всей планете отмечают юбилей Великого Октября, потому что день, когда в Петрограде победили восставшие рабочие, стал переломным моментом мировой истории.

Вслушаемся в ее голоса. В напряженной, чуткой тишине петроградской ночи грянул выстрел «Авроры» — большевики дали сигнал к штурму старого мира, и занялась над столицей, над всей державой Российской заря новой жизни, отблески которой пали на Европу, Азию, Америку, другие континенты. Незабываемый парад на Красной площади 7 ноября 1941 года — выражение несокрушимой воли советского народа перед лицом смертельной опасности отстоять завоевания Ок-

тябрьской революции, свою Советскую власть. Вскоре в гule гигантского сражения под Москвой захлебнулся гитлеровский блицкриг, и поработанная Европа поверила, что чудовищную машину фашизма можно остановить и опрокинуть. В длительной, самой тяжелой из войн в истории нашей Родины советский народ совершил беспрецедентный подвиг, отстоял свою свободу и внес решающий вклад в спасение мировой цивилизации от варваров XX века. И потому возможными стали события октября 1957 года: ракетный гром и первый космический «младенец» возвестили, что родина социализма начала прокладывать трассы в неведомых просторах Вселенной, открыв космическую эру в истории человечества. 1961 год, октябрь — утверждена Программа Коммунистической партии. И вот октябрь 1977-го. Большой Кремлевский дворец. Здесь собрались полномочные представители советского народа. Овацция всего зала. Спутники телесвязи несут волны аплодисментов через горные хребты и океаны. Только что принята новая Конституция СССР — манифест эпохи строительства коммунизма. Она действует, живет, работает, высвечивает дорогу в завтра. Поистине октябрь в нашем сознании стал повсенемному солнечным, красным месяцем!

Перед теми октябрьскими днями 1917 года, которые потрясли мир, Россия отставала от стран Запада на 13 дней по календарю, на сто лет по промышленному развитию и на 130 лет по политической и социальной структуре.

За годы сделаны дела столетий! Это не поэтическая гипербола, а реальность нашего времени, взявшего по воле коммунистов новый, фантастически быстрый отсчет дел и свершений. И вот сегодня мы на таком историческом перевале, откуда видны и светлые дали грядущего, и пройденный нелегкий, но подлинно героический путь.

Под водительством партии Ленина мы в кратчайший исторический срок создали общество бескризисной, постоянно растущей экономики, могучих производительных сил, подлинной свободы, общество, законом жизни которого является забота всех о благе каждого и забота каждого о благе всех, общество светлых коммунистических перспектив. Построен развитый социализм. Это — общество зрелых социалистических отношений, постепенно перерастающих в коммунистические, где растет сближение всех наций и народностей, всех классов и социальных групп. Общество передовой науки и высокой культуры, в котором складываются все более благоприятные условия для всестороннего развития личности. Общество подлинной демократии, гарантирующее каждому своему гражданину реальные права и свободы, все возможности для участия в государственной жизни. И как главное завоевание прожитых лет — образование исторически новой общности людей, советского народа.

Когда-то Герцен с горечью заметил: человек ходил во всяких должностях, в должности Человека еще не ходил. Самое это большое чудо современности — новый хозяин нашей державы. Он строит будущее, пройдя все испытания и сам неизнаваемо изменяясь, соединяя в себе идейную убежденность и огромную жизненную энергию, культуру, знания. Он патриот и интернационалист, знаменосец мира и неутомимый борец за справедливость. Советский человек создал образ жизни, вызывающий восхищение повсюду в мире нравственным здоровьем, атмосферой подлинного коллективизма и товарищества. Именно потому, что он чувствует себя хозяином страны, столь горяч накал соревнования за то, чтобы быстрее и успешнее выполнить все намеченное XXV съездом КПСС, задания десятой пятилетки. Более ста миллионов советских людей взяли на вооружение девиз: «Юбилейной вахте — ударный финиш!» Сотни тысяч рапортовали о завершении заданий двух лет, на личных трудовых календарях у многих — уже восьмидесяти годы... Лозунг «Время, вперед!» по-прежнему волнует наши сердца своей призывной силой.

Гордость и слава социалистической Отчизны — наши замечательные женщины. Октябрьская революция привела к коренной

ломке старых представлений о социальной роли женщины. Решена задача огромной исторической значимости — обеспечено подлинное ее равноправие. Какого расцвета достигла, на какую высоту поднялась женщина в нашем Советском государстве, наглядно свидетельствовали выступления депутаток женщин с трибуны исторической сессии Верховного Совета СССР, утвердившей Основной Закон нашей жизни. В. В. Николаева-Терешкова, в прошлом ткачиха и первая женщина Земли, поднявшаяся в космос. З. П. Пухова, тоже в прошлом работница, а теперь директор Ивановской текстильной фабрики имени 8 Марта. Как члены Конституционной комиссии они принимали самое непосредственное участие в создании Основного Закона страны. Л. Г. Тынель — чукчанка, председатель исполкома Совета Чукотского национального округа, которая в своей речи рассказала о великой преобразующей силе ленинской национальной политики, о том, что обычное в царской России понятие «национальная окраина» перестало теперь существовать. О растущем сближении наций и народов говорили депутаты Л. К. Черкунова, работница Грозненского химического комбината имени 50-летия СССР, сельская учительница из Казахстана М. Т. Амантаева, зоотехник животноводческого комплекса таджика Х. Ходжибоева и другие.

Социализм дал возможность женщине жить полно и гармонично, охрана ее труда и материнства — государственная политика и нравственный закон нашей жизни.

Сообщая об итогах работы Редакционной комиссии по подготовке окончательного текста Конституции, Л. И. Брежнев поддержал предложение, внесенные депутатами В. В. Терешковой и З. П. Пуховой о дополнении статьи 35 положением о постепенном сокращении рабочего времени женщин, имеющих малолетних детей. Это предложение, подчеркнул товарищ Л. И. Брежнев, «соответствует линии партии и Советского государства на последовательное, по мере создания для этого необходимых экономических предпосылок, улучшение положения женщины как труженицы, матери и воспитательницы детей, как хозяйки дома».

Наш Основной Закон — результат углубленной работы, проведенной под непосредственным руководством и при активном участии Центрального Комитета КПСС, его Политбюро, Генерального секретаря ЦК Л. И. Брежнева. Октябрьский Пленум Центрального Комитета КПСС, который состоялся накануне внеочередной сессии Верховного Совета СССР, одобрил проект новой Конституции с дополнениями, уточнениями и поправками, внесенными в него в ходе всенародного обсуждения. А обсуждение проекта Конституции было истинно всенародным. В нем приняло участие более 140 миллионов человек. Вот он, невиданный размах государственно-правового творчества, убедительнейшее свидетельство подлинного народовластия, единства партии и народа! В две трети статей, казалось бы, тщательнейшим образом обдуманного и отредактированного проекта по предложению трудящихся были внесены изменения, дополнения, уточнения. В какой хваленной «свободной» капиталистической стране народ был творцом основного закона государства? И где есть конституция, равная нашей? Смехотворны попытки иных буржуазных писак поучить нас свободомыслию. О таких учителях давно сказано: смотрят, но не видят, слушают, но не слышат.

Среди ученых популярна сейчас идея о том, что материки планеты Земля не стоят на месте, движутся. Эта гипотеза еще требует подтверждения. Но то, что Великий Октябрь положил начало огромным изменениям в жизни народов всех материков, всех континентов, дал могучие революционные импульсы всем отрядам международного рабочего и национально-освободительного движения, не подлежит никакому сомнению. Победа народных революций во многих странах и образование мировой социалистической системы, социальные завоевания трудящихся в ряде капиталистических государств, крах колониальной системы были бы невозможны без Великого Октября, без существования Страны Советов. Ветер века, он в наши дни парус, и корабль Страны Советов возглавляет ныне целую социалистическую флотилию, идущую курсом к уже хорошо видным, заветным берегам. Когда восходит солнце, утро настает для всех! Сбылись пророческие слова В. И. Ленина: «Наша социалистическая республика Советов будет стоять прочно, как факел международного социализма и как пример перед всеми трудящимися массами».

Торжественно и радостно отмечая 60-летие Великого Октября, мы, советские люди, с огромной благодарностью и любовью обращаем свои помыслы и надежды к Коммунистической партии Советского Союза. Ее основал Ленин, у кормила ее стоят ленинцы. Нет у нашей партии других интересов, кроме интересов народа, потому что от народа она неотделима. Мы знаем: там, где партия, там успех, там победа. Коммунисты ведут страну дорогой правды, дорогой свободы, дорогой народного счастья!

В. ФЕДОТОВ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РАБОТНИЦА

Ежемесячный общественно-политический
и литературно-художественный журнал

Основан 8 марта 1914 года

ОКТАБРЬ 1977 ● МОСКВА ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

О времени и о себе

Михаил ДУДИН,

Герой
Социалистического Труда

Сказать о себе больше, чем сказано в стихах, наверное, невозможно. Но вот меня попросили рассказать о себе, и я думаю, с чего начать. Пожалуй, лучше всего с того, что стало главным в моей человеческой и поэтической судьбе.

Людям моего поколения — поколения ровесников Советской власти — приходилось не словом, а делом доказывать свою преданность Стране Советов, делу Октября, шестидесятилетие которого мы нынче отмечаем.

В жестоких, кровопролитных боях отстаивали мои ровесники честь и славу советского наро-

да — строителя первого в мире социалистического государства. И отстояли, освободив мир от позора фашизма, а человеческое достоинство от гибели.

Для меня советский воин, что недвижно стоит в Трептов-парке со спасенным ребенком на руках, являет собой не только миссию добра и справедливости, которую возложили на свои плечи советские солдаты, но и достаточно убедительно отражает судьбу многих моих товарищей и сверстников, отдавших жизнь во имя той же высокой цели. Этот неизвестный русский солдат и по сей день продолжает честно нести свою бессменную вахту в одном из крупнейших берлинских парков.

Он родом из Орла или Вятки,
А вся земля его тревожит.
Его в России ждуть солдаты,
А он с поста сойти не может.

В жизни почти каждого поколения существует вершина, в пре-

одолении которой проверяются его гражданская зрелость, его мужество. Такой вершиной для моего поколения была Великая Отечественная война. Защита Родины. Принято даже говорить, что нас, фронтовых поэтов, сделала поэтами война. Не думаю, что это правильно. Ведь на войне убивали и поэтов. Пожалуй, точнее было бы сказать, что мы возникли не благодаря, а вопреки войне, хотя тяжелые испытания, выпавшие на нашу долю, и стали той питательной средой, которая взрастила наше творчество.

Я участвовал в двух войнах. Советско-финляндской, когда я оборонял Хангута (Ханко), и Великой Отечественной, где довелось отстаивать Ленинград. В общем, дважды я воевал за город Ленина. Не случайно этот прекрасный город стал для меня второй родиной (первая — деревня Клевнево, Ивановской области).

В блокированном Ленинграде, в типографии имени Евгении Со-

коловой, вышла моя первая книга «Фляга» (за ней в разные годы в разных издательствах появилось около семидесяти моих книг).

А теперь в Ленинграде, в той же типографии Соколовой, спустя тридцать с лишним лет после «Фляги», издается собрание моих сочинений в трех томах. Это итог многолетней работы в литературе и мой скромный подарок 60-летию Октября.

Два первых тома — стихи, третий — переводы, а также рассказы о Ленинграде и повесть «Где наша не пропадала».

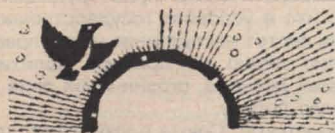
Понемногу собираю и новую книгу стихов, в которую войдут строки, навеянные впечатлениями от поездок в разные страны. Я совершаю их не только как поэт, член Союза писателей, но и как председатель Ленинградского областного комитета защиты мира.

Как видите, в судьбе моей мало что переменялось: я по-прежнему чувствую себя солдатом.

В Революции нашей
Лежит человечества опыт.
Опыт преданных людям,
Бесстрашных в познание людей.
Скорость века растёт
И тревожное время торопит.
И победе сопутствует
Гибкая точность идей.

Есть расчёт и уверенность
Новой победы основа
Перед светом звезды,
Никогда не гасимой вдали.
Революция светит
Прообразом братства земного
Племенам и народам
На всех континентах Земли.

(Из поэмы «Зерна».)

УТРЕННИЙ СОНЕТ

Сто тысяч крупных августовских звезд
Горят в росинке каждой на осоке,
И в тишине, не думая о сроке,
В лугах отава набирает рост.

Мир ночи сложен, мир души непрост,—
Струя к струе текут в одном потоке,
И новый день, зарея на востоке,
Над ними перекидывает мост.

Рассвет струится, как загар по коже,
По желтизне окошенных борозд,
И кохочет, перепархивая, дрозд
В осиннике. И все кругом похоже
На музыку. В твоих ресницах тоже
Горит сто тысяч августовских звезд.

РЫЖИЙ КОНЬ НА СКОШЕННОМ ЛУГУ

Не приказа ради, не в услугу,
А своею волей, как хотел,
Рыжий конь по скошенному лугу
Без узды и всадника летел.

Влажный глаз его блестел, как слива,
Как труба, переливался хвост,
И струилась, завиваясь, грива,
С бесшабашным ветром вперехлест.

И душа коня была открыта,
И закат был розов, как ранет,
И стучали легкие копыта
Деревянным стуком кастаньет.

День или жизнь готовились к уходу,
У седого времени в долгу,—
Рыжий конь скакал себе в угодю
На зеленом скошенном лугу.

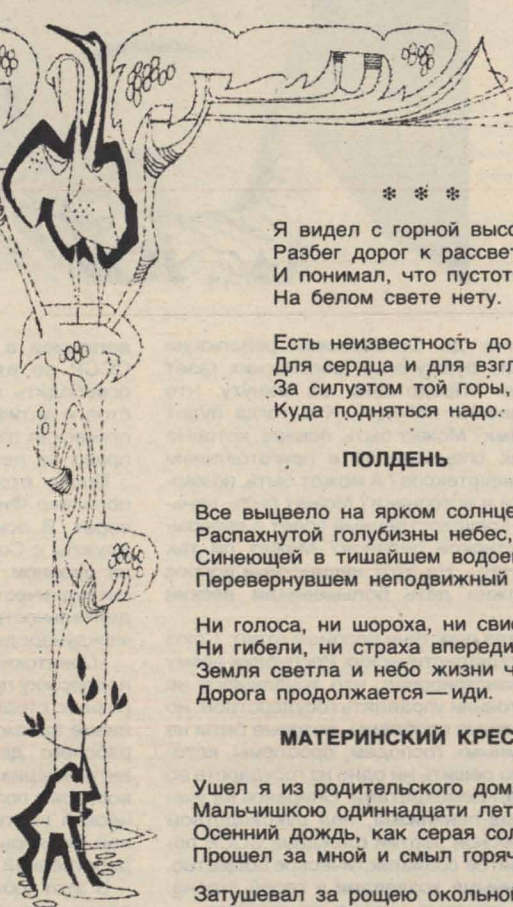
ДЕРЕВО ДЛЯ АИСТА

Сама земля дивится урожаю.
И, перед этой щедростью в долгу,
Я маленькое деревце сажаю
У речки на покатоке берегу.

Пускай оно, вытягиваясь к небу,
Растет и зеленеет в высоте
Признательностью жизни, на потребу
Ее неповторимой красоте.

Разбуженное песней петушиной,
Пускай оно проснется поутру
И зашумит кудрявою вершиной,
Перебирая листья на ветру.

Пускай оно защитю от грома,
И молнии, и гибели самой
Когда-нибудь приглянется для дома
Двум аистам, вернувшимся домой.

Я видел с горной высоты
Разбег дорог к рассвету
И понимал, что пустоты
На белом свете нету.

Есть неизвестность до поры
Для сердца и для взгляда
За силуэтом той горы,
Куда подняться надо.

ПОЛДЕНЬ

Все выцвело на ярком солнце, кроме
Распахнутой голубизны небес,
Синеющей в тишайшем водоеме,
Перевернувшем неподвижный лес.

Ни голоса, ни шороха, ни свиста,
Ни гибели, ни страха впереди,
Земля светла и небо жизни чисто,
Дорога продолжается — иди.

МАТЕРИНСКИЙ КРЕСТ

Ушел я из родительского дома
Мальчишкою одиннадцати лет.
Осенний дождь, как серая солома,
Прошел за мной и смысл горячий след.

Затушеввал за рощею окольной
Тоску и горе изначальных мест —
Ворон над Вязосковской колокольней
И над могилой материнской крест.

На берегу судьбы людского моря
Я своего не строил шалаша,
А радости преодоления горя
Училась в море грешная душа.

Когда ж кончались воля и терпенье
И гибель караулила окрест,
Передо мною, как благословенье,
Вставал над бездной материнский крест.

Рисунки
И. КЛЕШКО.

ОТВЕТ ИСТОРИИ

Мирьям ВИРЕ-ТУОМИНЕН,
лауреат международной Ленинской премии
«За укрепление мира между народами»,
член Президиума Всемирного Совета Мира

Незадолго до Октябрьской революции одна из буржуазных российских газет писала: «Представим на минуту, что большевики победят. Кто тогда будет управлять нами? Может быть, повара, которые известны как специалисты в приготовлении отбивных и бифштексов? А может быть, пожарники? Конюхи и истопники? Может быть, няньки побегут в Государственный совет в перерывах между стиркой пеленок? Может ли так произойти? Нет... На этот неуместный вопрос история должна дать большевикам веский ответ!»

История дала поистине весомый ответ. Союз Советских Социалистических Республик всему миру продемонстрировал, что трудящиеся не только в состоянии управлять государством, но и решать сложные проблемы, которые были не под силу «умным» господам, проблемы, которые не смогло решить ни одно из государств во главе с социал-демократами. Опираясь на учение марксизма-ленинизма, под руководством Коммунистической партии граждане СССР построили развитое социалистическое общество, стали подлинными хозяевами в своей стране, осуществили вековые чаяния трудящихся.

Для моей родины победа Октября имеет особое значение. Празднование юбилея великой революции совпадает с 60-й годовщиной независимости Финляндии, и этим мы обязаны победе русских рабочих в октябре 1917 года. Руководствуясь ленинскими принципами самоопределения наций, Советское государство признало самостоятельность Финляндии.

Разгромив гитлеровский фашизм, Советский Союз вновь спас самостоятельность нашей страны, возвратив тем самым рабочему классу и миролюбивым силам Финляндии демократические права, попраные внутренней контрре-

волюцией в 1918 году. Победа, одержанная СССР во второй мировой войне, позволила освободить из тюрем моей страны коммунистов и антифашистов. Только тогда Коммунистическая партия Финляндии смогла получить право на легальное существование.

После второй мировой войны во внешней политике Финляндии наметился коренной поворот. В основу ее легли отношения мира и дружбы с Советским Союзом, развивающиеся на прочном фундаменте Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, а также деятельность, направленная на укрепление международного мира и безопасности народов.

«Советский Союз оказывает постоянную поддержку прогрессивным движениям народов разных стран. В пролетарском интернационализме заложен неисчерпаемый источник мощи рабочего движения, сплочения сторонников антиимпериалистической солидарности», — говорится в постановлении пленума Коммунистической партии Финляндии «О 60-летию Великой Октябрьской революции и 60-летию государственной независимости Финляндии».

В этот юбилейный год в Финляндии проводятся специальные мероприятия. Мы рассказываем о миролюбивой политике СССР, принципы которой были сформулированы в ленинском Декрете о мире, о том, как реализуется Программа мира, разработанная XXIV и XXV съездами КПСС. Миролюбивая политика в СССР возведена в закон. Она вытекает из гуманистической сущности первого в мире социалистического государства, оказывает глубокое влияние на исторические судьбы всех континентов. Миролюбивые инициативы Советского Союза позволили сделать не один шаг вперед в деле ликвидации международной напряженности. Прогрессивно мыслящие люди

всей земли в своей борьбе против войны всегда опираются на моральный и политический авторитет СССР, на его действенную поддержку.

Участники тысяч собраний и митингов по инициативе организации «Сторонники мира Финляндии» поставили подписи под приветственным адресом народам и правительствам СССР и Финляндии. В этом документе люди выразили свою надежду на дальнейшее развитие дружбы между народами Финляндии и Советского Союза, стремление сотрудничать во имя претворения в жизнь решений Заключительного акта Общеввропейского совещания, способствовать процессу разрядки и мирного сосуществования, разоружения. Приветственный адрес советскому народу подготовило и общество «Финляндия—Советский Союз». Под ним поставили подписи тысячи активистов этой авторитетной общественной организации.

Официальный визит президента Урхо-Калева Кекконена в СССР по праву относится к значительным событиям юбилейного года. Во время визита было подписано советско-финляндское коммюнике и программа долгосрочного экономического, научно-технического и промышленного сотрудничества, которая открывает для Финляндии возможность решать такие болезненные проблемы, как кризис и инфляция, безработица, застой в экономике, позволит более эффективно бороться за расширение прав трудящихся, за реальное равноправие женщин.

Формально в Финляндии прав у женщин больше, чем в любой другой капиталистической стране. Достаточно напомнить, что право участия в выборах наши женщины получили еще в 1906 году. Ныне пятая часть депутатов парламента — женщины. В послевоенные годы непрерывно развивается и совершенствуется социальное законодательство. В 1962 году парламента страны утвердил конвенцию Международной организации труда о равной оплате за равный труд. Однако разница в оплате труда женщин и мужчин еще достаточно большая, и не в пользу женщин. Инфляция непрерывно снижает выплаты по беременности и родам, по уходу за детьми и пенсионному обеспечению. Потогонная система интенсификации труда приводит к росту профессиональных заболеваний. Много среди женщин и безработных. Особенно высок процент безработных среди промышленных рабочих, работников сферы обслуживания и государственных учреждений.

Ныне прогрессивная общественность Финляндии все настойчивее ставит вопрос о расширении демократических прав трудящихся. Дело в том, что в условиях государственного монополизма растет наступление на эти права. Это наглядно видно на примере политики распределения доходов, ограничения прав на забастовочную борьбу.

Пример Советского Союза вдохновляет трудящихся капиталистических стран на активизацию борьбы за свои права. Опубликование проекта новой Конституции СССР, а затем принятие Основного Закона Страны Советов стало крупным событием юбилейного года. Права, гарантированные Конституцией СССР, — это воплощение чаяний народных масс моей страны. Но в условиях капиталистического общества они остаются только мечтой — будь то право на бесплатную квалифицированную медицинскую помощь, на материальное обеспечение в старости, на бесплатное образование на всех его ступенях.

Последовательное осуществление миролюбивой ленинской политики Советским Союзом, растущий авторитет стран социалистического содружества вдохновляют миллионы людей различных континентов на борьбу за единые цели, стоящие перед человечеством: за мир, безопасность и социальную справедливость на земле.

С Е С Т Р Ы

Т. КОСТЫГОВА

По пыльной дороге мимо нашей машины шли две маленькие девочки в длинных туркменских платьях. Одна, совсем крошечная, косолапо загребая пыль коричневыми ножками, сосредоточенно лизала мороженое. Вторая, чуть забежав вперед, тянула малышку за руку, вытирая на ходу растопыренной ладошкой липкие белые потеки на ее смуглой рожице. Вид у обеих был строгий и независимый, ни на нас, ни на машину они даже не взглянули.

— Небось, на два мороженных денег не хватило, — тихо сказала Майя Кадыровна, — вот и надо делать вид, что вовсе тебе этого мороженого не хочется. Ничего не поделаешь — старшая... Она и нянька, и учительница, и мамина помощница. Это я знаю, сама старшей росла...

Да, старшая, первая из двенадцати сестер и братьев. Бегала босиком, метя пыль длинным подолом, одни глаза видны из-под платка — быстрые, озорные. Все умела: месить тугое, непослушное тесто, печь чуреки, давать корм овцам. Вот только верблюдицу доить так и не научилась. Мать сердилась: такой шайтан-девка, на ишаке верхом скачет, к любой собаке в ауле подойдет, а верблюда боится...

А за ней хвостиком — сестренки, мал мала меньше: в семье почему-то подряд рождались девочки, не скоро дождались братишек. Ох, и надоело быть нянькой. Однажды очень надо было отделаться от малышни, так она связала их вместе, пятилетнюю Огулдонды и совсем крошечную Энеджан, прикрутила к забору — и была такова.

Я понимаю, почему так потянуло мою соседку на воспоминания. Еще час-другой, и окончится наша дорога. А пока только алые брызги цветущих маков и серо-черные силуэты пасущихся вдали баранов нарушают однообразие бесконечных желто-коричневых равнин, сливающихся с раскаленным дождем, потерявшим свежею голубизну небом. Мы едем туда, где осталось босоное детство Майи Кадыровой, к началу истокам ее судьбы.

Сакар-Чага, Марыйская область

Каждый дехканин, член сельскохозяйственного товарищества, представивший от соответствующего Политпросвета удостоверение об окончании им или его женой, или дочерью полного шестимесячного курса школы грамоты, имеет право на получение ссуды в первую очередь, если только он не принадлежит к числу баев или торговцев.

Из Циркулярного письма Наркомпроса Туркменской ССР, 23 марта 1925 г.

Карта Марыйской области похожа на трапецию, ровно закрашенную желтой краской, лишь посередине зеленый живой комочек, к которому тянется кровеносный сосуд — тонкая нитка Каракумского канала. А желтое — это пустыня Каракум.

Здесь, на самой кромке желтого и зеленого, рядом с величественными руинами древнего Мерва, раскинулся живописный райцентр Сакар-Чага. Пройдешь из конца в конец длинную улицу из новеньких домов с традиционными плоскими крышами, утыканными телевизионными антеннами, полюбуешься пышно цветущими фруктовыми деревьями, и выйдешь прямо в самую настоящую пустыню, где опалит тебе лицо колючий каракумский ветер и ткнется под ноги заблудившаяся черепаха. А чуть в стороне от городка — знаменитый верблюдоводческий совхоз «Сакар-Чага», где живут родители Майи, где много лет директорствовал ее отец.

Верблюд особенно хорош в профиль, с горделиво закинутой головой — точь-в-точь такой, как изображают его на конфетных обертках. А когда он мирно пасется, шиплет колючки, вытянув длинную шею, напрочь исчезает вся его величественная стать. Наверное, он сам знает это — так и норовит повернуться к тебе боком, косит круглым глазом из-под прямой рыжей челки.

Мы приехали в разгар интереснейшего события: верблюдов стригли. Прямо на песке горами громоздилась верблюжья шерсть, тонкая, пушистая, того благородного дымчатого оттенка, который не нуждается в красителях и отбеливателях. Сегодня работала «дамская

парикмахерская»: верблюдиц загоняли в узкий бревенчатый коридор — ни пошевелиться, ни взбрыкнуть, — на голову накинута прочная веревочная петля. Приходится терпеть, пока быстрая машинка стригля не превратит длинноволосую щеголиху в лысое, гладкое страшилище.

Удивительное животное — верблюд. Неприхотлив в еде, послушен, вынослив. Дает дивную шерсть, целебное молоко, сотни килограммов вкусного, нежного мяса. Когда в начале шестидесятых годов было принято решение о восстановлении верблюжьего поголовья, отец Майи, Мухамедмурат Бекчаев, кадровый партийный работник, получивший сразу после войны звание Героя Социалистического Труда за работу по снабжению фронта, попросился в заново организуемый совхоз — хотелось самому, с первого колышка, построить современное животноводческое хозяйство. И места эти ему были дороги: рядом аул, где он родился, где похоронены отец и мать.

Он встретил Советскую власть ребенком. Пятнадцатилетним мальчишкой чуть не погиб в схватке с басмачами, организовывал комсомольскую ячейку в ауле, воевал с неграмотностью... В 1940 году вступил в партию.

Навсегда запомнила Майя одну душную ночь 1951 года. Отец приехал из района — он тогда работал председателем райисполкома, дома редко бывал. Разбудил: вставай, дочка, будем дыню есть. Ох, и вкусная была дыня!.. Всю ночь сидели, разговаривали, решали, как ей жить дальше.

Майя тогда закончила семилетку и не собиралась больше учиться. Отец возражал. Он сам все острее ощущал, что его шесть классов — совсем мало. А жена и того не смогла: двенадцать детей родила, шестеро в живых остались, хозяйство, работа в колхозе, да и жизнь всегда на колесках. Не успеешь обжиться на одном месте — у мужа новое назначение.

Осенью Майя пошла прямо в 9-й класс, сдав экстерном экзамены за 8-й. А еще через год они оба уезжали в Ашхабад: отец поступал в партию, дочка — в университет.

Нет, конечно, ей не грозили выстрелы из-за угла и нож в спину, как ее ровесницам, комсомолкам двадцатых годов. Но были осуждающие перешептывания соседок, гневные упреки деда и старших родственников: девке замуж пора, а она из дома бежит, учиться вздумала. Сестра отца после этого десять лет порог их дома не переступила. Лишь тогда простила, сама прощения просила, когда, тяжело заболев, лежала в клинике, где работала Майя.

Но это было потом. А пока... Лепешки со вкусом маминых слез, зареванные сестрички, горький комок в горле, ободряющий взгляд отца... Прощай, Сакар-Чага!

Отец хотел, чтобы Майя стала учительницей. Она и сдала экзамены на исторический факультет. А потом узнала, что на курсе, кроме нее, нет туркменок, и забоялась.

— Сказали, есть девочки в медицинском. Я туда и подалась. Помню как сейчас: впереди идет ректор, позади декан, я посередине, лицо платком закрываю — чужие мужчины вокруг. Так и ходила из кабинета в кабинет. За два часа все экзамены сдала. На пятерки, между прочим. Смеетесь? А мне подумать страшно: как бы я жила без медицины?

Учились они с отцом вместе. Каждый день он приходил к ней в общежитие. Она ему помогала: все-таки десятилетка за плечами. Пили чай с домашними лепешками: мать ухитрялась еще их подкармливать, хоть тяжело ей было одной с ребятами. Не унывала, веселые письма писала — у них в семье никто никогда не жаловался.

И вот сейчас, через двадцать с лишним лет, — длинные годы, что только не вместились в них, — сидят они все вместе на ковре в большой, светлой комнате отцовского дома. Из этого гнезда разлетелись дети по всей Туркмении. Чтобы повидать их, нам с Майей придется проехать еще не одну сотню километров. Завтра в путь, а пока неслышно хлопочет мать, расставляя все новые угощения. Спокойно улыбается отец, облепленный внуками. Рядом младшая сестра Мамаджан, она здесь, в Сакар-Чага, секретарь райкома комсомола, брат Алламурад с женой — оба сельские учителя, их дети... Счастливы дом, где здравствуют старики и звенят детские голоса. И счастлив человек, если есть у него такой дом, где особенно остро чувствуешь свои корни, неразрывную связь с родной землей.

Тахта, Ташаузская область

...Среди туркменского населения царствуют невыносимая грязь, суеверия, знахарство, невежество, темнота беспробудная и почти поголовная неграмотность среди женщин. Высокая смертность детей, широкая распространенность социальных болезней и особенно женских болезней являются следствием антисанитарного быта, отсталости... Борьба за элементарную культурность в быту является самым жгучим вопросом.

Из статьи А. Нухрат,
зам. зав. женотделом ЦК ВКП(б),
в журнале «Коммунистка», 1929 г.

В зеленом саду, среди цветущих деревьев — легкие, современные здания. Не больница, а целый городок. Вот инфекционный корпус, рядом терапевтический, хирургический... Но Майя решительно тянет меня в угол двора, к деревянному крыльцу старой Тахтинской больницы, где когда-то начинала работать молоденькая доктор Кадырова.

— Елка-палка, какая же она маленькая! Как мы все здесь размещались? — удивляется Майя.

Майя Кадырова

Впрочем, «все» — это совсем немного. В Тахтинском районе был один педиатр (она, Майя), один акушер-гинеколог и один хирург. Вся «женская медицина» ютилась в двух тесных комнатках: две койки для рожениц, две детские, одна — гинекологическая. Да они, врачи, вовсе не сидели у этих пяти коек: тогда мало кто рожал в больнице, вот и мотались из аула в аул. А дома у Майи — грудной сыншика, здесь, в больнице, он и появился на свет.

У Майи только в направлении написано: педиатр. Делала она практически все: вела прием в поликлинике, принимала роды, ассистировала на операциях. Приходилось и пол помыть, и судно вынести, и внутривенную инъекцию сделать.

Я очень хорошо представляю себе Майю тех лет: веселую, решительную, чуть-чуть резковатую (она и сейчас не терпит возражений). Ей бы скакать верхом на горячем степном коне, но вместо коня был пропыленный насквозь работяга «газик», где она ухитрялась и спать, и есть, и что-то записывать в свои бесконечные медицинские бумаги.

— Соня, родная, как давно я тебя не видела! — Майя бросается к крыльцу. — А ты, Татар, какой важный стал, худеть надо, худеть, хоть ты и главврач...

Это они — бывшие однокашники и коллеги. Вместе ходили институтскими коридорами, вместе начинали работать в этой больнице... Им есть что вспомнить. Как оперировали однажды аппендицит — и погас свет, еле-еле разыскали керосиновую лампу. Как сажали этот сад — где-то там, в глубине, шумят и ее, Майины, яблоньки.

Татар Язмурадов (начинал хирургом, теперь — главный врач) показывает нам новую больницу, даже не стараясь скрыть переполняющую его гордость: 400 коек, 70 врачей всех специальностей, а ведь после войны ни одного медика с высшим образованием — они были первые. Новейшая диагностическая аппаратура, прекрасно оборудованные операционные.

Совсем недавно на средства от коммунистических субботников построили роддом на 100 коек. С канализацией, горячей водой, светлыми, комфортабельными палатами.

— Да, это вам не две комнатки на пять коек! — смеется Татар. — Вы не удивляйтесь, что он такой большой: у нас рожают много. В районе

57 тысяч человек, так в прошлом году мы приняли 2275 родов. Работы хватает. Может, вернешься к нам, Майя? Не надоело в начальниках ходить, бумажки подписывать?

Майя вздыхает. Конечно же, она тоскует по любимому делу. В 1966 году, когда ее избрали председателем ЦК общества Красного Полумесяца, она работала в Институте онкологии, вела интересную научную тему, собиралась засесть за диссертацию. Сначала думала: буду совмещать, оставалась на полставки в институте, но пришлось уйти — очень уж много работы в обществе.

— Мы ведь огромное дело делаем! — Майя снова загорелась, она по натуре просветитель, не может вынести, если кто-то не разделяет ее воодушевления. — Воспитание санитарной культуры — это та же борьба с неграмотностью. Вы знаете, что такое бешик? Видели, небось, в музеях. Такая колыбелька с дыркой — положат в нее младенца, припеленают туго, чтобы не пошевелился, и рады: пеленок не пачкает. Представляете, как развивался такой младенец? До революции в Туркмении каждый второй погибал от инфекций, антисанитарии... — И все-таки, все-таки, — Майя вздыхает, — сколько бы я отдала, чтобы снова под звездами на старом «газике» мчаться в далекий аул, к роженице. Впрочем, они теперь все в больницах рожают. Елка-палка, как быстро бежит время. — Она лезет в сумку, достает какие-то разноцветные таблетки, глотает их, морщась, и тут же снова загорается: — Вы слышали, район-то наш дал обязательство к 60-летию Октября собрать 60 тысяч тонн хлопка, по тонне с гаком на каждого, считая стариков и грудных младенцев. Молодцы, а?

Серахс, Ашхабадская область

Воспрепятствование женщине принимать активное участие в общественной работе, посещать школы, клубы и другие культурно-просветительные учреждения, совершенное в целях противодействия ее раскрепощению, влечет за собой лишение свободы или принудительные работы на срок до одного года.

Из постановления ЦИК и СНК Туркменской ССР
о дополнении Уголовного кодекса
статьями об усилении защиты прав женщин.
16 ноября 1929 г.

На крыльцо навстречу нам вышла женщина в длинном туркменском платье. Милое, мягкое лицо — из тех, что плохо получаются на фотографиях, потому что прелесть их — в быстрой, неуловимой смене выражений, в улыбке, свете глаз. Нежный рисунок маленького рта. Высокие, пушистые брови... Так это и есть Энеджан, сестра Майи? И походка какая выразительная. Семейная походка. Меня поразило, как изящно, с непринужденной грацией движется в свои шестьдесят отец. Как плывут, словно на репетиции «Лебединого озера», Огулсабир и Огулдонды, другие сестры. Только Майя ходит размашисто, твердо. А этим хоть кувшин на голову поставь — ни капли не выплеснут. Энеджан еще в школе славилась как лучшая плясунья и певица. Даже на Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москву ездила. Я видела вырезки из газет, фотографии: нежное личико в остроколючной серебряной шапочке, увешанной длинными подвесками, украшения в ушах, на груди, на руках, даже на кончиках толстых кос — наверное, когда она танцевала, медленно, плавно, как танцуют туркменки, все эти колокольчики и подвески тоненько звенели чистым серебряным звоном в такт музыке.

Все говорили: растет у Мухамедмуратовых артистка. А вырос прокурор. Капитан юстиции, юрист 1-го класса.

Пять лет после института Энеджан работала старшим следователем прокуратуры Ашхабада — бесценная школа для будущего прокурора. Ей поручали расследовать преступления, совершенные на почве пережитков прошлого по отношению к женщине. Препятствия учебы, калым, — все, что унижает достоинство женщины, ущемляет ее права.

— Таких преступлений, конечно, немного, — рассказывает Энеджан. Но даже редкие, единичные, они всегда в центре нашего внимания. Революции в сознании людей происходят трудно и медленно, об этом еще Ленин говорил. Туркменки веками были рабынями. Самыми поработенными из поработенных, самыми угнетенными из угнетенных назвал их Ленин. Рабство вошло в плоть и в кровь, они привыкли считать свое униженное положение чем-то незыблемым, естественным, данным свыше. И если до сих пор не все вопросы, связанные с равноправием женщины в быту, полностью решены, то виной тому — остатки рабства, осевшего в обычаях и традициях, где-то на самом дне женской души.

Знаете, ведь туркменки очень гордые. Но проявляется эта гордость подчас своеобразно. Туркменки никогда не жаловались. Они молчали и терпели. Единственная форма протеста, которую позволяли себе раньше женщины — это самоубийство, самосожжение. Слезы не проронит, слова не скажет — уйдет из жизни молча, как и жила. Я никогда не забуду первое свое дело в Ашхабаде. Молодая женщина — она не здешняя, мужа призвали в армию, приехала жить к его родителям. Ни друзей, ни родных. Старики за каждым ее шагом следили: не

Энеджан Аширова.

огласка необходима. Надо раскрывать и сурово наказывать виновных, тех, кто цепляется за обломки старого быта, старой, рабской психологии.

...День районного прокурора начинается с оперативки: в чисто выбеленном кабинете с большой печкой в углу (зимой здесь прохладно) собираются следователь, народный судья, начальник милиции (все мужчины), докладывают о происшествиях, намечают текущие дела. Но сегодня все торопятся: начинается судебное заседание. Зал суда набит до отказа. Тишина — муха не пролетит. Подсудимый — шофер, сбил местного колхозника и пытался скрыться, не оказав ему помощи. Оба были нетрезвы. Остались сиротами 10 детей. Обвиняемый тоже отец большого семейства, человек вроде бы работающий, ни в чем дурном не замеченный.

Голос Энеджан тверд. Сегодня на скамье подсудимых пьянство. Это оно бросило под колеса одного человека. Сделало убийцей другого. Осиротило детей, поломало жизнь женам и матерям. В прошлом году все серьезные преступления в районе были совершены людьми в нетрезвом состоянии. Не слишком ли мы терпимы к этому злу?

У двери Энеджан поджидают две женщины. Одна худенькая, болезненная, что-то быстро-быстро говорит, помогая себе жестами. Другая молча плачет.

На лице у Энеджан ни следа нетерпения (а я ведь знаю, как уплотнен сегодня ее день), только ласковое внимание, желание понять и помочь.

Потом, когда успокоенные женщины уходят и Энеджан коротко рассказывает, в чем дело, я не могу скрыть удивления:

— Разве прокурор обязан улаживать семейные ссоры? У вас ведь столько других дел, куда более серьезных!

— У человека беда. Что может быть важнее? Он доверяет ее мне, государственному лицу, не у меня — у Советской власти справедливости ищет. И по моему поведению о ней судить будет.

Ашхабад

Подательница сей записки Абдуллаева Хайрахан очень хочет учиться, но учиться в г. Намангане не может, так как боится мужа, который покушался убить и нанес ей 12 ран ножом и продолжает грозить, сидя в тюрьме... Поэтому я взяла ее под защиту и как безродную и бездомную направляю ее к вам в Ташкент. Она училась у нас при клубе, но очень мало прошла. Она говорит, что к вашим ногам сбросит свою чадру и паранджу, лишь бы только ей была дана возможность учиться.

Из письма заведующей женотделом г. Намангана в женотдел ЦК КП(б) Узбекистана. 1924 г.

Туркменская школа ошеломляет экзотической яркостью красок, непривычной, праздничной нарядностью. Представьте себе класс, где за партами сидят красивые девушки в длинных, по-восточному ярких платьях — красных, желтых, зеленых, в цветах и разводах. Да еще на косы накинута яркая платок. Да еще поблескивают, переливаясь, серебряные украшения с цветными камнями.

Школа № 20 — одна из лучших в Ашхабаде. Не по помещению, оборудованию — по традициям, всеми признанному высокому уровню образования. В прошлом году из 77 выпускников 38 поступили в

наверное, что она веселая, лица не закрывает, в клуб ходит. Мужу доносы писали. Она и не выдержала... По глупости погибла. Думаю, и мы виноваты: не увидели, что человек доведен до отчаяния, не вмешались, не помогли вовремя. Но ведь она молодая, образованная — школу закончила. Рядом люди, комсомол, женсовет — крикни, позови на помощь. А она молчала. Умерла, как рабыня. Я тогда выступала на открытом судебном процессе, много говорила с женщинами, особенно молодыми, — считаю, что в подобных случаях

вузы — не всякая школа может похвастаться такой статистикой.

Завуч младших классов, методист горно Огулдонды Черкезова (сестра Майи и Энеджан) преподает родной язык. На нее достаточно взглянуть, сразу скажешь: учительница. Близорукие глаза под очками, собранные в пучок волосы: В отличие от сестер очень тихая, неслышная. Легко краснеет и так же легко смеется. У нее просто страсть всех опекал и обо всех заботиться — даже самостоятельная Майя в ее присутствии похожа на девочку, цепляющуюся за мамину руку. Огулдонды — вылитая мать: то же тонкое лицо с прямым, точеным носом, та же деликатность, несуетливая заботливость.

Выпуск позапрошлого года, класс, который вела Огулдонды все десять школьных лет, до сих пор вспоминают в школе. Вокруг него стали складываться легенды. Самые сильные математики. Самые яркие поэты. Самые лучшие спортсмены. Даже самые красивые девочки. Правда, говорят, что легендарному 10-му «Б» подрастает достойная смена: нынешний 8-й тоже сплошь состоит из «ярких личностей». Его классный руководитель — Огулдонды Черкезова.

Чем сцементировала она этих ребят, почему сумела быть необходимой им все десять лет? Думается, разгадка — в самой личности учителя. Такова уж семейная заваска: все дочери Мухамедмурата Бекчаева — люди ярко выраженного общественного темперамента. Это и объединяет всех, таких разных: энергичную, властную Майю, сосредоточенно-вдумчивую Энеджан, тихую, деликатную Огулдонды.

Она 15 лет в школе. Срок небольшой. И все-таки...

— Огулдонды, изменились за это время ваши ученицы?

— Разительно. Раньше, бывало, еле семилетку тянули: скорее разделаться с тетрадками, пойти работать, замуж выйти.

— А сейчас замуж не рвутся?

— Во всяком случае, не торопятся. Очень изменилась самооценка женщины, общественный ее престиж. Она хочет быть самостоятельной, твердо стоять на ногах. И родители ее в этом поддерживают.

Огулдонды Черкезова (сидит вторая справа) со своими учениками.

...Вернувшись в Москву, я встретила с Евсталией Александровной Росс, старой коммунисткой, первой заведующей женотделом ЦК Компартии Туркмении («джиннотдел», чертов отдел — называли его враги). Она рассказывала, как в середине двадцатых, на самой заре Советской власти, женские отряды «легкой кавалерии» совершали первые агитационные поездки по туркменским аулам. Выбирали кибитку попросторнее, чистили, скребли, выбивали пыльные кошмы — вот и база, где располагались «боевые тройки»: врач, учительница, юрист. Убеждали не словом — делом. Отмывали и обстирывали ребятишек, учили пользоваться мылом и разбирать буквы, оказывали необходимую помощь больным, вступались за вдов, бедняков, разъясняя новые права, которые дала революция.

Я слушаю и в далеких, неясных лицах этих женщин вдруг начинаю различать знакомые черты сестер Мухамедмуратовых. Им выпало другое время — не менее героическое и не менее прекрасное. Сегодня, как всегда, входят в свои рабочие кабинеты наши современники. Коммунистки и дочери коммуниста. Учительница, врач, юрист.

Фотографии из семейного альбома Майи Кадыровой.

В. И. ЛЕНИН. (Из серии В. И. Ленин и революция).

Художник Ю. РЯЗАНОВ.

К ЛЕНИНУ

В Горках Ленинских автобусы останавливаются, не доезжая до усадьбы. Люди идут тихими аллеями, готовя себя к встрече с Лениным. Многие из них пересекли границу не одной страны, прежде чем встретились на пороге этого дома, вошли в комнаты, где все хранит след присутствия Ильича.

Вот лестница—обычные деревянные ступеньки на второй этаж. Но перила у нее с двух сторон.

— Те, что слева, сделали специально для Владимира Ильича,— говорит научный сотрудник музея.— Правая рука у него болела, и он не мог опираться на обычные перила.

Смуглая изящная рука гости из Индии, готовая опуститься на перила слева, дрогнула. Видимо, какой-то внутренний запрет остановил ее движение. Нет, если это сделали для Ленина, пусть и будет только для Ленина.

Ощущение незримого присутствия Ильича в этом доме, видимо, возникает у многих. Японка Набуко Токахаси, женщина очень сдержанная, потом говорила мне, что о Ленине она много читала, но «что-то, самое важное, поняла именно здесь». Гертруд Эрихсен, студентка из Копенгагена, определила это «что-то» как «образ жизни Ленина».

— Дом хранит приметы его жизни, в которых отразилась личность гениального вождя революции и сердечнейшего человека,— говорит Гертруд.

На письменном столе—письмо рабочих Богородско-Глуховской мануфактуры, старательно выведенные печатными буквами строки.

Научный сотрудник рассказывает: поздним осенним вечером 1923 года рабочие Глухов-

ской текстильной фабрики, истомившиеся от беспокойства о здоровье Ленина, поехали к нему, больному, в Горки. Врачи категорически запретили такие встречи. Но Ленин обрадовался приезду рабочих. Он оставил их ночевать, угощал грибами, которые сам собрал. И, говорят, потом не раз перечитывал их письмо.

Гертруд глубоко трогает светлая человечность Ленина. Эта боязнь отпустить людей из дома в осеннюю стынь, на ночь глядя.

В том, может, и главная сила Ленина, что ни границы, ни время не могут помешать душевному контакту с ним. И сегодня он помогает людям понять, где правда. И сегодня воодушевляет для борьбы за эту правду.

Быстро-быстро пишет в своем блокноте молодая темнокожая женщина. Жанн Дамбендзе из Конго торопится за рассказом научного сотрудника.

Для Жанн и ее товарищей путь к Ленину начался с борьбы за независимость родины, против колониализма, расизма, эксплуатации, с осознания своей ответственности за судьбу родной страны.

— Ленин думал о революции всегда, до самой смерти,— говорит Жанн,— для нас он живой, он знамя нашей борьбы за свободу.

Жанн—учительница. Может быть, поэтому ей так важно запомнить каждую подробность жизни семьи Ульяновых: это идеальная семья, а в воспитании детей все начинается с семьи.

Лехзиель Фарид из Алжира тоже учительница. Деловито и твердо, как о решенном, она говорит:

— Надо действовать, как Надежда Крупская. Она революционер и педагог. Я тоже

педагог и тоже революционер—с 15 лет член Фронта национального освобождения. Ее взгляды на воспитание и образование близки мне и важны для работы. Крупская, как никто, умела применить ленинское учение в педагогическом деле.

У всех моих спутниц, женщин разных стран, мысли о Ленине переплетались с мыслями о родине. Раз открыв Ленина для себя, они, живущие в разных уголках земли, сверяют свой путь по его заветам.

Когда мы вышли в парк, Луиза Аморим, португальская коммунистка, за все минуты пребывания в доме, где прошли последние дни Ильича, не проронившая ни слова, взволнованно сказала:

— Образ Ленина был путеводной звездой для нас в годы борьбы с фашизмом, и мы свергли фашизм. Моя страна переживает сейчас сложное время классовой борьбы. Шестнадцать лет назад Советской России тоже было невыносимо трудно, но она выстояла и победила. И мы выстоим.

Перед тем как приехать в Москву, я перечитывала ленинскую работу «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Думала: какая острота мысли, какая сила предвидения! Нет сегодня, на мой взгляд, более современной, более острой книги. Бывает, задумаешься над вопросами, рожденными обстоятельствами сегодняшней борьбы, и не можешь найти ответа. Обратишься к Ленину—и находишь. Сила его мысли поразительна и всегда современна.

В Горках я узнала, что «Детскую болезнь» Ленин написал здесь, в этом доме, уже тяжело больной. И любимая книга стала для меня еще дороже. А светлый оптимизм ее еще убедительнее. Я иду по священным этим местам и говорю себе: «Venceremos! Мы победим!»

В Горках Луиза все время была в обществе двух негритянок.

— Мои подруги из бывших португальских колоний Мозамбика и Гвинеи-Бисау,— объяснила Луиза,— они считают, что Ленин был бы рад, увидев нас вместе.

Конечно! В 1922 году, говоря об «ускорении» всемирного революционного движения за последнее двадцатилетие, Владимир Ильич радовался тому, что и Африка «недавно напомнила о своей претензии быть людьми, а не рабами, и напомнила не совсем «парламентски». С какой великолепной уверенностью утверждал, что и в Азии «большинство теперь проснулось и пришло в движение, которое не в силах остановить самые сильные и «могущественные» державы. Куда им!» Это свершилось на глазах нашего поколения: неотвратимо развивалось национально-освободительное движение, крах колониальной системы не смогли задержать те «самые сильные» и «могущественные» державы, как ни старались. Потомки тех, кто полвека назад «напомнил о своей претензии быть людьми, а не рабами», сегодня—граждане государств, к названиям которых уже не добавляется «британская», «португальская», «французская». И мои спутницы, представительницы молодых стран, приехав в Горки, с благоговением и благодарностью говорят о Ленине.

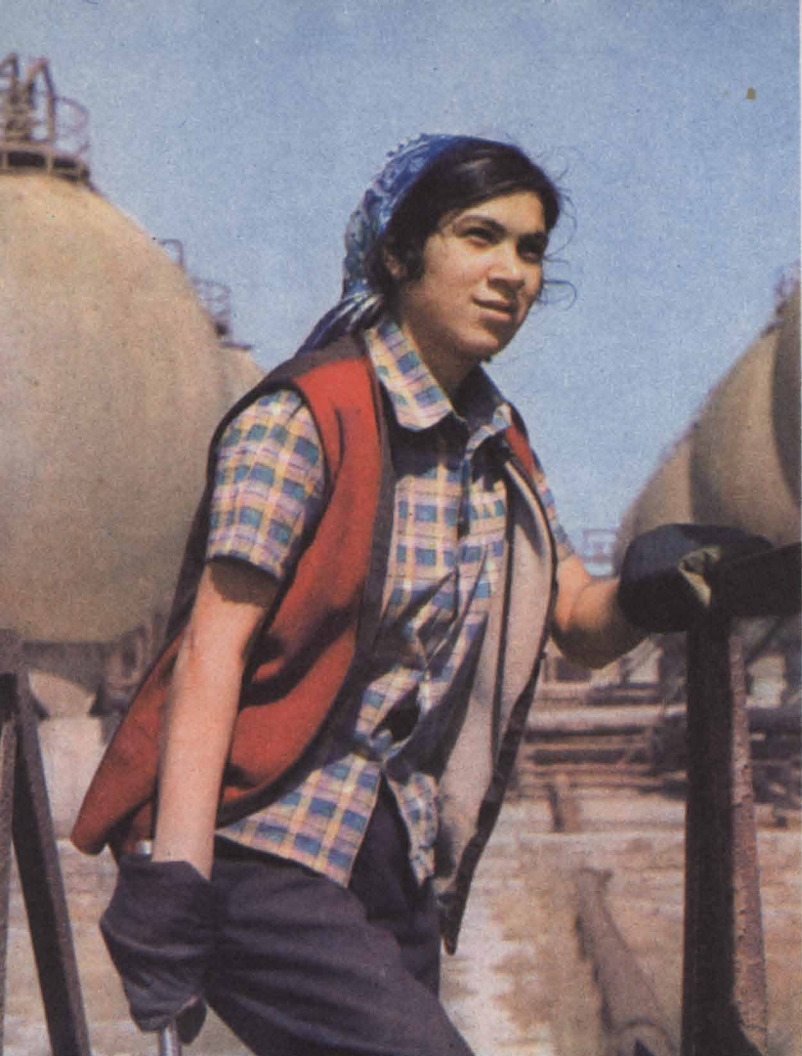
Я листаю книгу записей музея. Разные алфавиты, языки всех народов мира, строки бегут слева направо, справа налево, сверху вниз... «Глубоко благодарен Ленину. Наша Социалистическая Республика Вьетнам—это результат его идей по национально-освободительному движению. Хоанг Тяу». «Ленин живет и будет жить в сердцах всех коммунистов. Спасибо Ленину за то, что он заложил основы политики мира. Кармен Булонь, Жорж Булонь, Бельгия». Записи оставлены тысячами людей.

Женщины с разных континентов идут в глубокой тишине аллеи. Идут с думой о Ленине.

Т. БЛАЖНОВА

Изауро Гомеш Кардозу с Островов Зеленого Мыса, Серима Виджетилака из Шри Ланки, Маргарида да Консейсао из Сан-Томе
в Доме-музее в Горках. Фото Н. МАТОРИНА.

АПШЕРОНСКИЕ БЕРЕЗЫ

Так вот ты какой, Сумгаит! Дома от яркого солнца кажутся ослепительно белыми. Зеленые линии густых аллей подчеркивают четкую планировку улиц. Тишина. Прошла молодая женщина, аккуратно толкая впереди себя голубую коляску. Выбежала девочка с папкой из магазина «Ноты». И вдруг словно волна накатила — энергичный гудящий поток людей захлестнул улицу. Пересменок. Здравствуй, рабочий город! Город химиков, энергетиков, металлургов!

Сумгаит удобно расположился на Апшеронском полуострове, в 40 километрах севернее Баку. Может быть, сейчас не все из молодых знают имя этого города. А было время, когда оно не сходило со страниц газет, подобно тому, как сегодня БАМ. Вся страна следила, поддерживала, помогала стать на ноги первенцу послевоенных новостроек.

С чего начался Сумгаит? Уроженец этих мест известный азербайджанский поэт Наби Хазри ответил на это так: «С Сибири, откуда по зову сердца приехала молодежь, чтобы строить его. С Магнитки, откуда, как эстафета, принесено пламя доменных печей... С горных вершин Делидага, откуда пришли ровесники наши, чтобы посадить первое дерево на улицах Сумгаита, вырастить сады на солончаках».

Солончаки, рыже-бурые, с серыми опалинами, тянулись до самого горизонта. По другую сторону синеве море. Стояли бараки, палатки, камышитовые дома. И пробивались, словно прорастали, фундаменты первых каменных зданий. Таким сразу после войны увидела Сумгаит Лидия Николаевна Делюкова. Ее гостеприимно встретила дружная разноязыкая семья новоселов. Лида особенно ценила и эту дружбу и это гостеприимство. Целых четыре года из шестнадцати лет ее жизни прошли за колючей проволокой фашистского концлагеря. Победа над фашизмом решила не только ее судьбу, но и судьбу Сумгаита.

Рождение промышленного центра на Апшероне было предопределено еще в 1935 году. И хотя в 1941 году его заводы существовали только в проектах, на их директорские кресла уже претендовали доверенные лица германского химического концерна «ИГ Фарбениндустри».

Победа дала будущее человеку и городу. Как и большинство новоселов, Лида Делюкова стала строителем — штукатурила первые дома в первом жилом районе города. Молодой бри-

Мехранса Гасимова, аппаратчица, как и большинство молодых рабочих завода синтетического каучука имени 40-летия Советского Азербайджана, пришла в цех по окончании заводского ПТУ.

Эти девушки и парни из комсомольско-молодежных смен завода органических продуктов «Сумгаитхимпрома» — победители трудовых вахт в честь 60-летия Великого Октября.

Семья Кязимовых.

Лаборантка Назакет Гасанова и старший аппаратчик Агахан Агаев работают на суперфосфатном заводе в передовой смене имени XXV съезда КПСС.

Фото Н. МАТОРИНА.

гадир той бригады, где она работала, вскоре стал ее мужем, и свадьбу сыграли в одном из построенных ими домов. Росли дети. А потом осуществилась еще одна мечта — стала работать на заводе. Сейчас она машинист скрепера на суперфосфатном заводе производственного объединения «Сумгаитхимпром».

— Мой завод, моя смена — это вторая семья, без которой, мне кажется, я не смогу жить, — рассказывала Лидия Николаевна.

Наш разговор состоялся перед началом ночной смены. Днем была жара 42 градуса. Радио сообщило: самая высокая температура в Союзе. А сейчас можно было дышать. Стояла по-южному темная и тихая ночь. В отдалении, предусмотрительно отодвинутый от промышленных комбинатов, спал город. В нем рано вставали и рано гасили огни. А здесь огни не гасли — у химиков вахта непрерывная. В высоко поднятых над землей переплетениях разнокалиберных труб, под куполами емкостей шла мушкетерская, непостижимая стороннему человеку работа. Дышали цеха. Трудился «Химпром» — пять его заводов дают народному хозяйству минеральные удобрения, химические средства защиты растений, эпоксидные смолы, полиэтилен и сульфанола, необходимый предприятиям, выпускающим синтетические моющие средства.

Стоя у распределительного щита, Делюкова ритмично «подает» в смесительные камеры сырье — апатит. Как будет проходить капризный процесс соединения его с морской водой и солями и в результате каким будет качество суперфосфата, зависит от аппаратчиков, получающих информацию и регулирующих процесс по десяткам приборов центрального пульта управления. Дрогнула стрелка, одна, вторая. Нужно быть высоким профессионалом, чтобы по их едва заметным колебаниям уловить перемены в самочувствии химической смеси. Несколькими месяцами назад здесь проходила вахта Дружбы. У центрального пульта цеха вместе со старшим аппаратчиком Агаханом Агаевым, который следит и сейчас за приборами, вышли в смену аппаратчики Пятрас Кавалюскас и Василь Украинец, один — с Кедайняйского химического завода в Литве, другой — с Одесского суперфосфатного.

Вахта закончилась торжественно. От подъездных путей завода отошел большегрузный состав с минеральными удобрениями. «Вахта Дружбы — труженикам полей Грузии, Армении, Азербайджана от рабочих Кедайняя, Одессы, Сумгаита», — сообщал транспарант на головном вагоне.

Мне рассказали, что еще раньше подобная вахта состоялась и на Одесском суперфосфатном заводе. Здесь посланцы «Сумгаитхимпрома» работали в передовой смене Марии Богдановой. Поздравить рабочих с началом вахты пришел ветеран Одесского завода Петр Николаевич Вакар, и Агахан Агаев радостно узнал в нем своего учителя. Они не виделись 15 лет. Именно 15 лет назад Одесский завод, старейший среди суперфосфатных заводов страны, посылал в Сумгаит лучших своих мастеров, и в их числе Вакара, помочь в пуске химического предприятия.

«С рождения вашего завода началась эта вахта Дружбы», — сказал взволнованный встречей с сумгайтцами старый рабочий. И хоть в Азербайджане не принято спорить со старши-

ми, Агахан возразил: «Не с рождения завода — с рождения города».

Мы уже говорили: вся страна строила Сумгаит. В трудное послевоенное время сюда шла техника, направлялись специалисты. Алтай и Поволжье, Украина и Белоруссия посылали людей в Азербайджан. Сумгаитцы гордятся интернациональным своим происхождением. И это чувство по-особому освещает будни и праздники рабочего города.

Я была удивлена, увидев на площади перед зданием генеральной дирекции «Сумгаитхимпрома» флаг Армянской ССР. Объяснение оказалось простым. В те августовские дни на «Химпроме» шла двадцатидневная трудовая вахта в честь Армении.

Это был тринадцатый этап юбилейного предоктябрьского соревнования под девизом «За расцвет и дружбу братских республик!».

Первым в декабре прошлого года поднялся флаг Российской Федерации. Через 20 дней его сменил стяг Украины. Потом Белоруссии, Казахстана. В музее Трудовой славы на почетном месте помещена телеграмма от председателя Президиума Верховного Совета Белорусской ССР И. Е. Полякова. И еще одна благодарность — за подписью председателя Президиума Верховного Совета Казахской ССР С. Б. Ниязбекова.

В соревновании росла не только производительность труда, но и качество продукции, улучшалась культура производства, крепла дисциплина. Свои обязательства были и у службы заводского быта, и персонала детских учреждений, у коллективов общежитий. Соревнование стало искренней заботой людей. Недавно ушедший в армию рабочий Ойяр Джафаров в каждом письме спрашивает у товарищей: «Какое место дали нам в новом квартале? Я здесь всем рассказываю про свой Сумгаит...»

Азарт товарищеского соперничества все больше захватывал людей — никому не хотелось оказаться в отстающих.

Запомнился такой эпизод. «Дадим 36 тонн стирального порошка — 138 процентов нормы!» — «Молнией» объявила свое обязательство одна из бригад производства синтетических моющих средств. Рабочие следующей смены «36» исправили на «38». Ночная смена вывесила свой листок: «Даем 41 тонну!» «46!» — написали те, кто пришел утром. «47!» — пообещали их сменщики. Мастер очередной смены Тахир Абдуллаев решительно сказал художнику: «Напиши: 50!» Так был поставлен пока еще не превзойденный рекорд.

Состязание в мастерстве поддерживала инженерная мысль. Технологи разработали варианты новых химических комбинаций, которые позволили получить дополнительную продукцию. Не удивительно, что это производство стало победителем вахты в честь Армянской ССР. Об этом сумгайтские химики сообщили в Армению, в город-побратим Кировакан.

Девять с половиной миллионов рублей — такая общая стоимость дополнительной продукции, полученной за тринадцать этапов предоктябрьской вахты. Эту цифру я узнала на заседании центрального штаба соревнования.

— Сверхплановая продукция, конечно, важна, — сказал председатель центрального штаба, секретарь партийного комитета объединения Табият Касумович Джафаров. — Но самое главное для нас то, что невозможно измерить в рублях. Участвуя в трудовых вахтах, люди ощущают себя не только членами коллектива своего предприятия, не только гражданами своего города, но и частицей нашей великой советской семьи. За это время были прочитаны тысячи лекций, во всех без исключения коллективах проведены беседы о каждой из союзных республик, о ее прошлом и сегодняшнем дне.

В год 60-летия Октября сумгайтцы как бы

прошли курс истории СССР. Это был незабываемый урок гражданского воспитания.

...Восточная мудрость гласит, что только тот из людей, кто посадил дерево, выстроил дом и вырастил сына, достойно прожил жизнь. И в Сумгаите, в восточном городе, свято чтут эти три древних завета. Только новое время вложило в них новый смысл. Не дом, а многоэтажные корпуса возводят люди. И сажают не одно дерево, под которым каждый пьет собственную пиалу чая, а разбивают сады вроде того, который вырастили на бесплодном пустыре рабочие трубопрокатного завода имени В. И. Ленина.

Я видела этот сад: розы, виноград, фруктовые деревья. При мне корзины самых красивых яблок отгрузили в заводской пионерский лагерь. «А это наша гордость», — сказал садовник Гасан Ахмедов и подвел меня к невысоким тоненьким березам. Оказывается, березы в Азербайджане не растут. Но чтобы доставить радость людям, приехавшим в Сумгаит из России, Белоруссии, Украины, Прибалтики, Гасан Ахмедов и его помощники сотворили чудо: из тоненьких, в карандаш толщиной росточков, привезенных из подмосковного питомника, выпестовали аллею первых на Апшероне берез.

Как ни трудно вырастить дерево, труднее вырастить настоящего человека. В это вкладываются усилия не только отцов и матерей. Каждое поколение лучше, что накопило, передает детям. Выросли в Сумгаите дети первостроителей.

200 рабочих династий трудятся сегодня на заводе синтетического каучука. А ведь только на днях отпраздновал завод свой серебряный юбилей.

Одна из таких династий — семья Кязимовых. Вы их видите на фотографии. Мать — Зарифа Али кызы работает в цехе производства каучука, в отделе технического контроля. В лаборатории ОТК трудится дочь Гандаф. Она учится на вечернем факультете Азербайджанского нефтехимического института имени М. Азизбекова. Год назад пришла на завод ее сестра Ирада, оператор машинносчетной станции, тоже студентка вечернего отделения Азербайджанского института народного хозяйства. Младшая — Сафалая, только что окончив десятилетку, тоже пришла на завод. Отец — Мусеиб Азим оглы — электрослесарь; к сожалению, когда делался снимок, он был в отъезде.

Сумгаитцы влюблены в свой город. И, показывая его мне, человеку приезжему, каждый горожанин старался раскрыть его особенную красоту. «А наш Дворец культуры вам понравился?» — спрашивала меня Гандаф Кязимова. «А набережную вы видели?» — поинтересовалась Валентина Ефимовна Скачкова, работница трубопрокатного завода. — Как, не видели? Приходите ко мне. Мой дом смотрит прямо на Каспий».

Валентина Ефимовна тоже из первостроителей города. Приехала с комсомольской путевкой. Здесь ей, коммунисту, мастеру мартеновского цеха, вручили орден Ленина. О своем трубопрокатном она может рассказывать бесконечно. Мы заговорились допоздна, и Валентина Ефимовна не отпустила меня в гостиницу. «Оставайтесь. Завтра вы увидите то, чего никогда не видели».

И действительно, с восьмого этажа ее дома я увидела сумгаитский рассвет. Серая дымка размыла линии берега, моря, неба. Солнце появилось неожиданно быстро — его пламенный диск словно вынырнул из каспийских пучин. Я испытала ту же радость, что и вчера на трубопрокатном, в цехе Валентины Ефимовны, когда первый раз увидела плавку. Рассыпая искры, хлынул из мартена раскаленный металл.

Потом вместе со всем городом мы шли на работу. По прямой, как стрела, улице Мира. г. Сумгаит, Азербайджанской ССР.

А. ДИХТЯРЬ

ЭХО

ИЗ РОССИИ

Эдни ХАРДИ

Волнующая весть о победе Октябрьской революции в России моментально облетела всю Америку, вселяя надежду и радость в сердца прогрессивных людей.

По мере того, как разрастались слухи о революции, охваченная паникой буржуазная пресса запестрела заголовками о «злодеях-большевиках», сеющих якобы смерть и хаос в этой далекой стране. Подобные заголовки должны были служить предупреждением, что такое может случиться в любой стране, где рабочие попытаются захватить власть в свои руки.

В то время я и моя мать жили в Сиэтле (штат Вашингтон), одном из самых крупных центров борьбы промышленных рабочих за свои права на западном побережье Америки. Мой отец, ветеран социалистического движения, находился в то время далеко от нас, в чикагской тюрьме, где вместе со своими товарищами по борьбе ожидал суда по сфабрикованному против них обвинению.

Когда весть об Октябрьской революции проникла в тюрьму, огромная радость охватила всех политических заключенных, их мрачные камеры наполнились духом свободы. Один из заключенных сочинил на популярный мотив песню «Приветствие из-за океана», которую они все с энтузиазмом пели, вызывая ярость тюремщиков:

Из России доносится эхо —
Набат настоящей свободы.
Звучит мощный призыв миллионов:
«Сбросьте оковы, и вы свободны!»

Моя мать, убежденная социалистка, вместе с другими «вдовами» активных участников рабочего движения продолжала борьбу, имея на руках троих детей.

И вот в это смутное время, полное лжи и клеветы на социализм, в порт Сиэтла вошло советское судно под красным флагом и стало на якорь.

Испугавшись возможной революционной «заразы», власти решили незамедлительно отправить корабль подальше от американских берегов. Однако многочисленные толпы людей стекались в гавань, чтобы своими глазами посмотреть на скрабль, который, подняв красный флаг, стоял на якоре в американском порту.

Вечером был устроен митинг, на котором посланцы с русского судна должны были передать привет от Советской власти и рассказать о грандиозных событиях, изменивших весь ход истории человечества.

Мы с матерью тоже поспешили в порт и вместе с толпой очутились в переполненном зале. Мы, дети, чтобы лучше видеть, устроились на высоких подоконниках. Зал возбужденно гудел, все ждали появления отважных моряков, грудью проложивших себе дорогу в царство свободы. Мощные звуки песни о неру-

Эдни Харди — дочь одного из организаторов Коммунистической партии Великобритании Джорджа Харди, активная деятельница английского рабочего движения.

шимой солидарности рабочих прокатились по залу.

Председательствующий начал свою речь, в зале наступило молчание, которое было нарушено только тогда, когда было объявлено, что власти не разрешили русским морякам сойти на берег. Это сообщение вызвало гневные протесты всех присутствующих на митинге.

Докладчик рассказал собравшимся о событиях в России, о революции, во главе которой стояли Владимир Ильич Ленин и партия большевиков. Он призвал оказывать всяческую поддержку русским рабочим и сказал, что запрещение сойти на берег русским морякам показывает, какой страх испытывают власти перед силой рабочего класса и международной солидарностью трудящихся.

Вдруг в середине речи русские моряки неожиданно вошли в зал. Под бурные приветствия участников митинга они прошли сквозь толпу и поднялись на трибуну. Но через некоторое время прибыли полицейские. Нервно сжимая револьверы, они прорвались к трибуне, схватили моряков и повели их в городскую тюрьму. Действия полиции вызвали новую волну братской дружбы к русскому народу, которая наполнила сердца всех присутствующих в зале.

Всю ночь огромная толпа простояла у стен тюрьмы, требуя освобождения моряков. Власти, напуганные таким проявлением народного гнева, были вынуждены освободить матросов и вернуть их на корабль.

Корабль покинул порт, увозя с собой обещание американских трудящихся поддержать Советскую Россию. Эта поддержка на следующий год выросла в одно из самых сильных прогрессивных движений, отражающее общность интересов рабочего класса всех стран, движение под лозунгом «В единстве сила»¹.

История подтвердила правильность предвидения социалистов тех дней, которые слышали в эхе, доносящемся из России, «набат настоящей свободы».

АПН, специально для «Работницы»

Лондон.

¹ Транспорт Сибирской военной флотилии «Шилка» был послан в Америку Владивостокским комитетом РСДРП(б) в начале декабря 1917 года по просьбе докеров Сиэтла. Американские рабочие хотели знать правду об Октябрьской революции. Они тепло встретили русских моряков. Коммунисты «Шилки» рассказывали о революции, о первых декретах Советской власти, о Ленине на митингах, созданных революционной организацией «Индустриальные рабочие мира».

Во Владивосток экипаж «Шилки» доставил письмо американских докеров, адресованное «Ленину с представителями большевистского правительства и через них — рабочим России». «Рабочие Соединенных Штатов», — говорилось в письме, — высоко ценят большевиков в их благородной битве за освобождение от ярма капиталистов и землевладельцев».

САДЫ АЛТАЯ

Дом и сад... Дом и непременно сад. Слово человек только вместе с яблоньками укореняется на земле, которую выбрал для жизни. От века велось так в России, на Украине, в Белоруссии, Прибалтике, Средней Азии—езде, где природа позволяла вырастить белоцветную радость.

Сад—здоровье, сад—отдых и движение, сад—витамины. И не только. Когда сегодня горожанки в свои драгоценные свободные часы мчатся за тридевять земель на садовый участок, его тонит цель не узкопрактическая. Сад—красота и мудрость, сад—целая жизненная философия. Посадить дерево—и после любоваться им в его хрупкой, тонкой юности. И наблюдать в зрелости—узловатой, крепкой, щедрой плодами. Разломить крепкое, румяное яблоко и увидеть черные зернышки, в которых будущее весеннее цветение. Вечный закон повторения и обновления...

Но природа не везде позволяет развести сад. Богаты леса Алтая. А вот обычная среднерусская антоновка или поволжский анис в таежном краю не растут. Переселенцы прошлого и начала нашего столетия брали с собою в далекую Сибирь черенки любимой яблоньки. Укутывали веточку, словно дитя, и берегли, как ребенка. Довозили, сажали. Принималась яблонька и... вымерзала. Кто-то пытался выращивать сад в кадках, их на зиму переносили в сарай, кто-то из года в год дрожал над привезенными деревцами. Тщетно. И не только природа, но и время, все общественное устройство были против сибирских садов...

Я была на Алтае в разгар весны. Когда бешено мчалась с гор навстречу Бие Катунь, и обе они, сшибаясь разноцветными своими водами, отдавали бурное движение Оби. Когда пламенели вдоль Чуйского тракта жарки. А тайга до отказа была заполнена неумолчным птичьим гомоном.

Иногда мне встречались деревца, разукрашенные тряпочками, ленточками: по старому обычаю алтайцы так благодарят место, давшее отдохновение, воду или пищу. Куда чаще выпархивали навстречу машине цветущие яблоньки, вишни, сливы. Сады—вот примета сегодняшняя, прочная. И даже в Чемале, высокогорном, поднятом к самому небу, зажато раскаленными скалами, яростную силу солнца смягчали белые облачка на земле—и здесь цвели сады.

Михаилу Афанасьевичу Лисавенко, одному из основателей сибирского садоводства, повезло куда больше, чем дореволюционным опытным: хотя природа все так же противостояла садоводству, общество было другое, другими были люди.

Молодое Советское государство, жившее трудно, нашло деньги «на расходы по опорному пункту в 1933 году из расчета приглашения на работу одного сотрудника». Горсовет Горно-Алтайска выделил четыре гектара земли. Поднятые революцией к знанию, одержимые идеей переустройства мира, люди приняли мечту ученого о небывалом как реальную деловую задачу.

Степан Гаврилович Кашин, председатель колхоза «Кызыл Мерей», весной 1935 года первым получил саженцы на опорном пункте. Приехал он верхом, а возвращался в распутицу пешком, тридцать километров неся драгоценный груз на себе. «И в прямом и в переносном смысле коммунист Кашин нес на своих плечах в алтайский колхоз русскую исконную культуру»,— позже напишет Лисавенко.

Ученому помогали горно-алтайские комсомольцы, работая в молодом саду на общественных началах. Всесоюзная экспедиция пионеров под его руководством изучала алтайские дикие ягодники. Лисавенко была дана трибуна—«Алтайская правда», «Крестьянская газета», и горячая пропаганда действовала. Когда в колхозе «Знамя труда» был снят первый урожай яблок, секретарь райкома партии собрал прямо в саду совещание колхозных вожаков. После этого еще двадцать восемь колхозов разбили сады. Словом, с первых шагов своих сибирское садоводство было детищем Советской власти—власти народной.

Новое дело потребовало людей определенного, гражданского толка. Оно их формировало и формирует.

Сначала не о самих людях—сначала об их деле. Расскажу о нем самым строгим и точным образом, с помощью скупых фактов и цифр. 1933-й—год рождения опорного пункта. Весной 1934 года Лисавенко посадил первые яблони.

Сегодня на Алтае около двадцати тысяч гектаров садов. Создан

ассортимент—в него вошли 120 сортов плодовых и ягодных пород.

Садоводство стало на Алтае полноправной отраслью народного хозяйства, дающей немалую прибыль. Речь идет прежде всего о промышленном садоводстве, несколько совхозов на Алтае специализируются на выращивании яблок, смородины, облепихи, рябины. Почти в каждом колхозе есть сад для «внутреннего» потребления—от 5 до 100 гектаров. Много садов у любителей. Поистине Алтай стал краем цветущим, садовым.

Иной стала и наука о садах. Опорный пункт вырос в опытную станцию, а она в 1973 году была преобразована в Научно-исследовательский институт садоводства Сибири. Лисавенко начинал работу с одним сотрудником. В НИИССе их сейчас около двухсот. Это и сподвижники, ровесники Лисавенко, и те, кто примкнул к его школе в молодости, кого Лисавенко взрастил. Присмотримся к ним—какие же они, эти люди.

Я приехала на Алтай в трудную весну, после зимы, которую в институте называли контрольной. Необыкновенно суровая, с морозами до пятидесяти, ее и впрямь можно сравнить со строгим контролером. Прекрасный дендрарий близ института на высоком берегу Оби был изъязвлен рыжими провалами, колючим сухостоем, и только зеленые веточки у самой земли, те, что зимой были окутаны снегом, дарили надежду: не все потеряно.

В эти дни все работники института, независимо от звания и занимаемой должности, работали на земле. Кто-то прямо здесь, в дендрарии, а кто-то отправлялся в колхозы и совхозы—нужно было срочно восстанавливать порушенное лютой зимой.

Мне стало понятным одно из главных положений нравственного кодекса Лисавенко: сибирский садовод не просто садовник, выращивающий урожай—он непременно и общественный деятель. Как иначе? Дело, затеянное и ведущееся вопреки природным условиям, может жить, опираясь лишь на общность желаний и устремлений многих людей сразу.

Не потому ли каждое лето научные работники берут на себя утомительную техническую функцию: обшивают пленкой и мешковиной посылки—ни одному предприятию, ни одному любителю нельзя отказать в посадочном материале. 3—3,5 миллиона саженцев рассылают институт ежегодно (это одновременно с основательной реконструкцией и закладкой производственных садов, которые тоже постоянно ведутся по хозяйственным договорам).

Не потому ли институт взвалил на себя обучение садоводов? Когда-то это были курсы для тех, кто ничего не знал о саде, не видел яблоню. Позже краткосрочные курсы превратились в постоянно действующую школу. А сегодня на базе института действует ПТУ со средним образованием, дающее специалистов, вооруженных современными знаниями и умениями.

А еще лекторий в Барнауле для любителей. Лекции о том, как выращивать смородину или малину, «подтверждаются» продажей саженцев лучших новых сортов—внедряйте новое в жизнь! И чтобы не прервалась нить времен, сотрудники института идут к детям, зажигают и в них любовь к садоводству. Около 100 школьных садов уже есть в Алтайском крае. В селе Победим, Топчихинского района, ребята создали ботанический сад, в котором собрано около ста видов иноземных растений.

Сад для ученого не может быть объектом холодного изучения, он нечто живое, то, что требует к себе и отношения самоотверженного. С восходом спешит к своим тюльпанам Зинаида Ивановна Лучник, соратница Лисавенко, старейший научный сотрудник института. И до вечера мелькает на грядках ее выцветший беретик.

С нескрываемым удивлением Зинаида Ивановна рассказывала мне о конфликте со студентом сельскохозяйственного вуза:

— Я ему даю работу, а он мне: «Я к вам не вкалывать приехал, а на практику...»

В интонации Лучник не было даже гнева—только удивление. Если не «вкалывать», так зачем выбирать садоводство? Как вообще делить работу на легкую и трудную, умственную и физическую? Больше того, как и саму жизнь можно подразделять на личную и общественную? Неимоверных усилий стоили Зинаиде Ивановне алтайские сорта тюльпанов, сирени, сколько лет ушло на дендрарий—ее трудное детище. Но сколько радостей—личных, горячих, связанных с преобразованием Алтая!

На хозяйственном дворе среди газиков, рафиков и грузовиков выделялась оранжевая новенькая машина с высокой рамой. Ольга Александровна Баранова, заместитель директора по научной работе, мимоходом показала на нее: «В Молдавии такая собирает виноград. Мы попробуем пустить на черноплодную рябину...»

Здесь для механизированной уборки облепихи, рябины, смородины, яблук, малины пытаются приспособить все, вплоть до хлопкоборочной техники. «Принцип вибрации, принцип счесывания»... Может быть, завтра появятся еще какой-то, самый эффективный?

Удивляться экспериментаторской натренированности мысли сортоведов института не стоит—с эксперимента ведь все начиналось, пути садоводами прокладывались неизведанные.

Переносить старые, сложившиеся в средней России сорта на Алтай не имело смысла, это доказало все предыдущее кустарное опытничество. Создавали новые... Если бы задача ставилась только так—нужны морозоустойчивые культуры! Но этого мало. Да, примерно каждая седьмая зима бывает здесь лютой. Но и самая обычная, средняя, имеет свои причуды: то ранний снег падает на неостывшую почву, и растение продолжает активно жить под снегом—жди выпревания корней и стволов, то заморозки в мае убивают ожившие побеги. Расположен Алтай между ледником и печкой: ветер с Севера—жди холодов, ветер из пустынь Средней Азии—и мгновенно жара. Солнечных дней здесь больше, чем в Крыму, но капризы погоды сводят все на нет.

Итак, селекционная задача звучала сложнее: нужны сорта не просто морозоустойчивые, а с гибкой, подвижной природой, приспособленной к местным условиям. Именно поэтому, выводя местные сорта яблонь, Лисавенко, а позже его талантливая ученица и преемница на директорском посту Ида Павловна Калинина то и дело обращались к дикой сибирке. Только она, непохожая на знакомую нам яблоню, местная жительница, несмотря ни на что, дает свои мелкие плоды—кислицы. С нее и начиналось многоступенчатое скрещивание. Первые гибриды сибирки с культурными плодами—ранетки—снова скрещивали с лучшими среднерусскими, прибалтийскими, среднеазиатскими сортами. Так было создано 18 зимостойких сортов полукультурок «Горноалтайское», «Золотая тайга», «Алтайское золотое», «Барнаулочка» и т. д. И опять направленная гибридизация. В нее вместо ранеток включены лучшие алтайские сорта полукультурок. Яблочки культурных сортов «Космическое», «Осенняя радость», «Алтайское новогоднее» достигают 50—70 граммов, они вкусные и красивые.

Не менее сложным был путь к местной алтайской сливе, смородине. И не только потому, что дело требовало научной изобретательности, интуиции, пылливой изощренности ума. Нужны особые человеческие качества—терпение, стойкость к неудачам, мужество. Не случайно кто-то из ученых гостей Алтая пошутил (а шутка ходит до сих пор): алтайская селекция требует селекции людей.

В Горно-Алтайском отделении института, в том самом Татнаковском логу, откуда когда-то пошло все алтайское садоводство, сад раскинулся на горных склонах. Заливает склоны солнце, набирает силу зелень. Мирно, спокойно. И если бы не мои «экскурсоводы» Зоя Сергеевна Зотова, сотрудник отдела селекции, и Лилия Никифоровна Забелина, специалист по черной смородине, до меня вряд ли дошел бы драматизм момента. Они осматривают кусты различных сортов и на ходу поясняют мне:

— «Приморский чемпион» не наш, не местный сорт, пострадал от заморозка 10 мая... А вот наша «Пушистая» в порядке, она зацветает поздно.

Цветет—не цветет? Каков процент вымерзания? Я слышу тревогу в голосе женщин. И чтобы оправдаться в ней, Зоя Сергеевна показывает мне рыжий, вымерзший строй смородиновых кустов.

— Номерные гибриды... Надеешься, что уже вот-вот получат право называться сортом, а выпадает такая зима, и... Вы знаете, к этому надо привыкнуть. И... нельзя привыкнуть.

При каждой неудаче селекционер трагически ощущает человеческое бессилие перед временем. Вымерз куст—попусту прошел год, а то и не один.

Не потому ли сегодня все службы в институте работают именно на экономию времени? На то, чтобы быстрее дать ответ селекционеру, верный ли выбрали путь.

Есть в институте, к примеру, лаборатория биохимии, технологии переработки плодов и ягод, возглавляемая Екатериной Евгеньевной Шишкиной, лаборатория определяет химический состав плодов, полезность, пригодность к хранению. Казалось бы, лаборатория—конечный этап в работе. Пожалуй, так оно прежде и было. А сегодня здесь разрабатываются экспресс-методы. На стандартных индикаторах химии делают анализы, помогая селекционерам на промежуточных этапах, заранее подсказывая плюсы и минусы будущих сортов.

В лаборатории физиологии растений сотрудники биофизическими методами стремятся достичь того же эффекта. Раньше, чтобы убедиться в зимостойкости нового гибрида, требовалось переждать не одну зиму и дожидаться особо суровой, контрольной. Сегодня в специальном аппарате листу растения дается «удар» холодом. Аппарат регистрирует, как ведут себя клетки. Моделируя поведение клеток проверенных сортов, описывая все процессы математически,

ученые могут сравнивать, сравнивать быстро, не тратя на это годы. Приборы сегодня подсказывают садоводам и на какой почве лучше разводить тот или иной сорт, раньше и это определялось опытным путем.

Научная база алтайского садоводства не просто крепнет, но и меняется со временем. Ведь оно выдвигает все новые, более тонкие, более сложные задачи. Сегодня вырастить сад производственного значения—уже не проблема. А вот уборка... Садовые культуры тяжело поддаются механизации, но будущее—за машинами. Значит, селекционером надо думать о том, чтобы малина, скажем, созрела одновременно, чтобы черноплодная рябина не выростала слишком высокой.

Алтайские садоводы впервые в мире ввели в культуру облепиху. За ярко-оранжевой ягодой, растущей початками, в тайге охотится и зверь и птица перед дальними осенними перелетами. Да и местные жители варят из нее вкусный, с запахом ананаса кисель, прибавляющий сил и здоровья. Сейчас многие знают о целебных, стимулирующих свойствах облепихового масла—оно лечит язвы, ожоги, плохо заживающие раны. Облепихового масла мало, оно, как говорится, на вес золота. Вырастить теперь облепиху на Алтае легко, сотрудники института разработали технологию разведения кустарника зеленым черенкованием. А вот как убрать... До последнего времени ягоду убрали руками или прочесывая початок крючками. Труд, прямо скажем, нелегкий—шипы облепихи царапают руки до крови, а едкий сок разъедает ранки. Да и производительность труда низкая.

Как сделать облепиху «удобней»? Лучше других может ответить на этот вопрос Елизавета Ивановна Пантелеева. Почти двадцать лет назад, девочкой, пришла она работать в садоводческую бригаду. Пылливость постепенно превратилась в научный интерес, а вчерашняя рабочая, окончив вуз и обретя опыт,—в исследователя-селекционера. Ей удалось вывести облепиху с плодоножкой длиной в сантиметр—ягоды от такого «раздвинувшегося» початка отделять легче, теперь возможно применение машины. Облепиха без шипов, облепиха с крупными плодами...

Когда не хватало селекционного материала, Пантелеева отправлялась в дальние экспедиции. Коллекция облепихи в институте богатейшая—монгольские формы, среднеазиатские. И каждый таит до поры до времени то свойство, которое понадобится людям и которое «вытянет» на свет эта негромкая женщина.

Про Пантелееву говорят: «Живет на поле». Наконец взялась за диссертацию, давно накопив материала на все десять.

В коридоре института висит большая карта Союза. На ней прослеживаются пути-дороги алтайских пород. Лучшие алтайские сорта районированы в 45 краях и областях РСФСР, Белоруссии, Латвии, Казахстана.

Они находят своих поклонников в Монгольской Народной Республике, Венгрии, Болгарии, ГДР, Дании.

Лисавенко всегда жалел, что садовод живет мало, не триста лет. Но, может быть, невероятным и постоянным напряжением в труде можно исправить просчет природы. Ведь не за триста, а всего за неполные пятьдесят пройден путь, который дает возможность подвести итоги. Алтайское садоводство существует!

Так выглядит сегодня Научно-исследовательский институт садоводства Сибири.

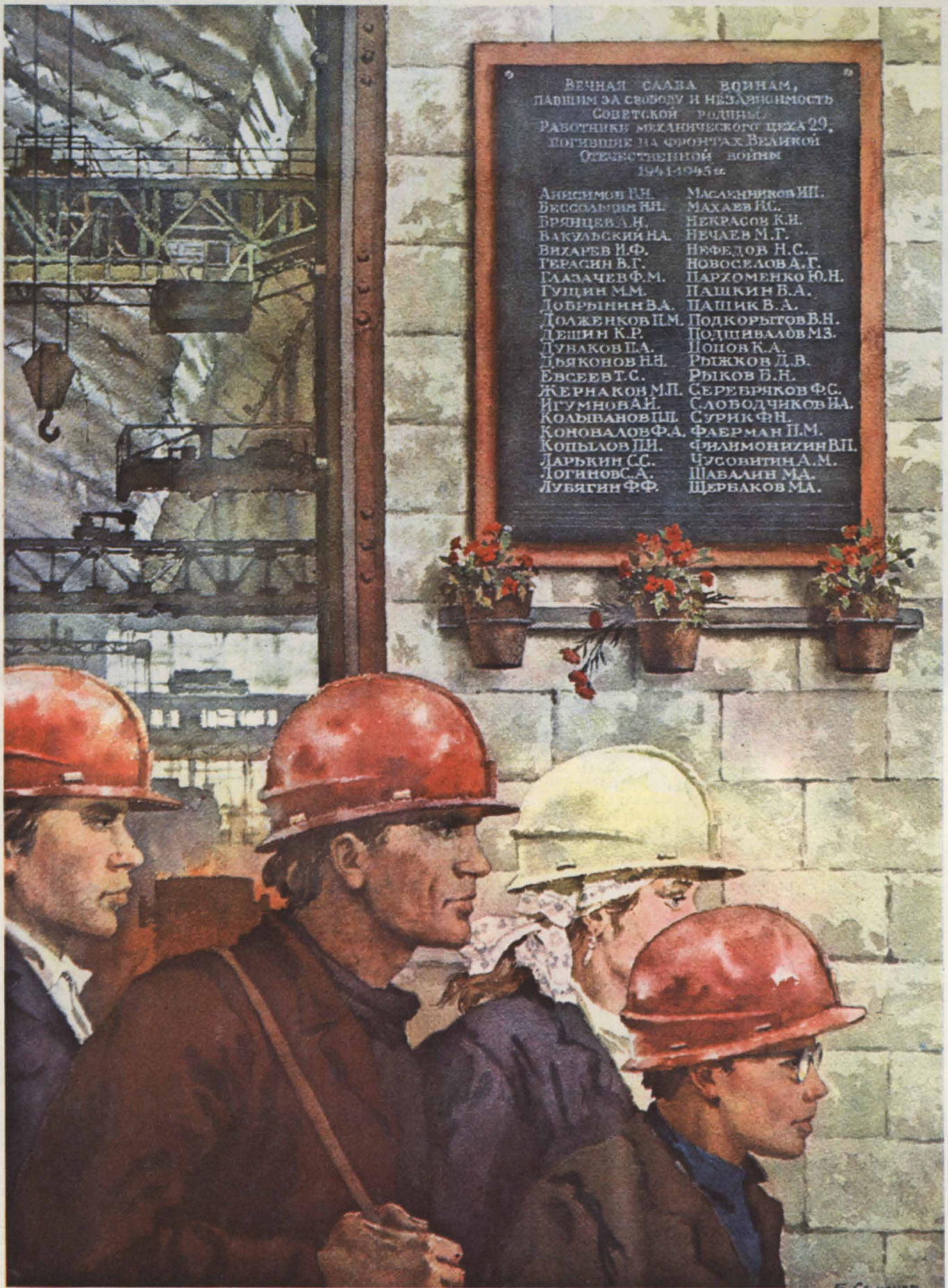

Хозяйка плантации облепихи Елизавета Ивановна Пантелеева.

Фото Е. ШЛЕЯ.

Судьба сорта решается и в лаборатории, которой заведует Екатерина Евгеньевна Шишкина.

Б. СЕМЕНОВ. ЗА ТОГО ПАРНЯ. (Из серии «Уралмаш в X пятилетке»).

ВСТРЕЧА НА СТЕПНОМ

ПЕРЕ- КРЕ- СТКЕ

«Подъем целины стал делом поистине всенародным. Как всегда решающее слово и здесь было за рабочим классом. Он влил в ряды целинников лучшие свои кадры, внес организованность и пролетарскую дисциплину».

Л. И. БРЕЖНЕВ

Евдокия Ивановна Лукьянчикова.

Фото Н. ВИННИЧЕНКО.

Евдокия Ивановна Лукьянчикова живет в Тургайской степи более двух десятков лет. Ее называют первоцелинницей, и она гордится этим. Нет, она не пахала и не сеяла. Но без ее участия в общем деле, без ее рук и доброго сердца за эти годы, наверное, успели бы на целине сделать меньше. Недаром она награждена орденом Ленина.

...Меня она сразу предупредила, что работа у нее вспомогательная—воду возить, и хитро прищурила глаз, ожидая, как я прореагирую. Я промямлил что-то вроде того, что в хозяйстве, мол, всякое дело важное. Но вид при этом у меня, вероятно, был не очень решительный, потому что Евдокия Ивановна усмехнулась и предложила, если у меня есть такое желание, поехать с ней денек.

Вот тогда понял я смысл и сполна оценил значение вспомогательной этой работы. Водовоз Евдокии Ивановны всюду встречали «на ура», на радостях компот подавали прямо в кабину, у мужчин при ней застывало на губах неосторожное слово.

— И всегда-то ты вовремя, тетя Дуся, поспеешь!—приветствовали ее люди.

Поспеть за день надо было в четыре бригады, к строителям, в гурты скота. А в бригадах снабдить водой столовые, бани, механизаторов... И ни у кого не было ни минуты простоя по вине тети Дуси—ни у комбайнеров, ни у поваров, ни у штукатуров. Мы перевезли шестьдесят тонн воды и «намотали» более трехсот километров—это обычная дневная норма Лукьянчиковой. Я с непривычки не чуял под собой ног, а Евдокия Ивановна еще осталась в гараже: стряхнуть пыль с машины, чтобы та за ночь отдохнула как следует. А утром, прежде чем сесть за баранку, она еще раз пройдетя тряпочкой по капоту и заглянет в каждую «щель», вызывающую какое-либо сомнение. Это я уже знал по началу минувшего дня, ибо при этих самых обстоятельствах и произошло наше знакомство.

Помню, я невольно залюбовался немолодой, опрятно одетой женщиной, которая, словно на окошко своей квартиры, дышала на ветровое

стекло водовоза, оттирая с него какое-то пятнышко. И тут послышалось:

— И чего это вы, тетя Дуся, так со своим драндулетом возитесь?

Проговорил это паренек, торопливо прошмыгнувший к заляпанному грязью грузовику.

— А ты, Петя, как я погляжу, скоро сам на себе ездить будешь. До чего машину довел,—строго, но без злости сказала женщина.

— Да ведь я ее только вчера и не помыл. Вернулся уже под утро,—начал оправдываться паренек.

Оказалось, что этот Петя рос вместе с сыновьями Евдокии Ивановны, и когда он появился в гараже, она тотчас же взяла над ним опеку. Но об этом, так же, как и о других заботах, которые эта женщина добровольно взваливает на свои плечи, я узнал несколько позже. А тогда, чуть только она заговорила, я с радостью уловил в ее речи родной уральский оттенок и, не боясь ошибиться, сказал:

— А мы с вами, Евдокия Ивановна, земляки.

— Тоже с Урала?—живо откликнулась она.—Надо же, где встретились—посерединке степной шири.—И добавила:—Степь со многими людьми меня свела. В одном нашем совхозе шестнадцать национальностей сошлись... Из каких только краев не приехали, а теперь все целинники. И выходит, опять земляки,—неожиданно заключила она и улыбнулась.—Ну, а то, что говорюк у меня уральский не выстудило, это хорошо. Я ведь с Урала сразу после войны уехала. Как познакомилась с Андреем Кузьмичом, он раны у нас в городе залечивал, поженились, и сманил он меня в курские свои края.

Жили они там хорошо, дружно. Старшему сыну, Сане, было семь лет, а Валерке только-только исполнился годик, когда они решили оставить обжитый угол ради неизвестной им степи, которую надо было «приручить», чтобы она кормила людей хлебом. В марте 1955 года эшелон увозил их из Курска в Казахстан. В вагонах было весело, шумно—ехали все свои, курские, и главным образом молодежь. Лукьянчиковы одни на весь вагон были семейные, да

еще и с детишками. Один парень не удержался и, кивнув на маленького Валерку, спросил:

— А вам-то что не сиделось в Курске?

— А тебя что подняло?—в свою очередь, поинтересовалась Евдокия Ивановна.

— Я, можно сказать, за компанию поехал,—пошутил парень.

— А мы жить едем,—не приняла шутки Евдокия Ивановна.

Совхоз назвали «Курский». Иного мнения не было. Это напоминало о родных местах, о белой березе, соловьях, которые остались далеко-далеко... Но самое главное—этим названием им хотелось увековечить свой край в истории целины. Желание было естественным и понятным. Посланцы всей страны двинулись тогда в казахстанские степи, чтобы дать ковыльной пустоши новую жизнь. И, называя совхозы по имени пославших их городов—«Московский», «Пятигорский», «Ярославский», «Псковский», они как бы давали зарок, что высоко будут нести честь своих родных мест.

Профессия Андрея Кузьмича—он шофер—пригодилась сразу. Уходил в дальние рейсы—на отгонные пастбища, запоминал новые дороги, настолько одинаковые для непривычного глаза, что нетрудно было и заблудиться. Евдокии Ивановне тоже хотелось поскорее взяться за дело (всю войну она слесарила на заводе). Но техники тогда в совхозе было немного. Мастерских еще и вовсе не существовало. В общем, на слесарей спрос не возник. И Евдокия Ивановна пошла туда, где больше всего требовались на первых порах рабочие руки,—в строители. Так что почти все улицы на центральной усадьбе, по которым она сейчас разъезжает на своем водовозе, ею и выстроены.

А шофером она стала так. Андрея Кузьмича начали беспокоить старые раны. Надо было расставаться с машиной и переходить в мастерские, но он все тянул с этим решением—шоферов в совхозе не хватало. Открыли вечерние курсы, стали приглашать на них и женщин. Некоторые записались. А Евдокия

Ивановна не спешила. Андрей Кузьмич однажды спросил у нее осторожно, что же, мол, она отстаёт от других. На нее это вроде бы не похоже.

— А ты, выходит, не против? — тут же ожидалась Евдокия Ивановна и призналась, как она ждала, чтобы именно Андрей Кузьмич первый затеял этот разговор. Потому что уж кто-кто, а он-то знаком со всеми тонкостями шоферской работы. Ну и ее характер ему хорошо известен: если уж решится сменить работу, так не на неделю, от трудностей убежать не станет. А сколько внимания требует к себе машина, это она по нему, Андрею Кузьмичу, видит. Да и в пути всякая непредвиденность может случиться. Значит, не всякий раз ко времени сможет она попасть домой. А кто подоит корову, приборется, еду готовит?

— Хорошо, Дуся,— понял Андрей Кузьмич.— Договоримся так: пока ты будешь на курсах учиться, мы с сыновьями освоим дела домашние. Небось, тоже не без рук.

— Смотри,— улыбнулась Евдокия Ивановна.— Экзамен-то по домоводству я у вас принимать буду.

— А я у тебя по шоферскому делу,— подвел итог разговора Андрей Кузьмич.

Несколько женщин записались тогда на шоферские курсы и окончили их, а осталась за рулем одна Евдокия Ивановна. И большинство женщин бросали свои машины главным образом потому, что не смогли, как Евдокия Ивановна, обеспечить себе тыла: дома начались раздоры и беспорядки. У Лукьянчиковой же дома уют, согласие. Сыновья, пока росли, научились никакое дело не считать для себя зазорным.

Евдокии Ивановне сейчас в пути каждая ковылинка знакома — вот уже двенадцать лет ездит она по совхозным дорогам. И бураны настигали ее и ливни.

— Природе все равно, кто за рулем,— говорит Евдокия Ивановна,— мужчина или женщина. Она для меня исключений не делала. А вот людская забота сколько раз согревала.

И Евдокия Ивановна вспомнила, как однажды на исходе дня торопилась домой из бригады Искака Кудинова. Надвигалась гроза, и Искар очень просил ее переждать непогоду. Но она настояла на своем, потому что дома ее ждал приехавший из армии на побывку Валерка. Не успела она отъехать, как в степи все зарохотало, небо опрокинулось, и отвесные потоки воды обрушились на землю. Ехать приходилось, как говорится, на ощупь, окрестность просматривалась только при вспышках молнии, дорогу размыло... Ей казалось, что до дома она добралась просто чудом. Но добралась! И как же был рад ей Валерка. Он уже по старой привычке подоил корову и затопил плиту, чтоб мать смогла обсушиться. И когда она, счастливая, припала к его плечу, кто-то

постучал в окно. Она так и ахнула:

— Искар!

Оказалось, что все в бригаде так за нее волновались, что Искар не выдержал, сел на «Кировец» и поехал вдогонку, на выручку — мало ли что могло случиться во время такой грозы.

— Мне было и радостно от такой заботы,— вспоминает Евдокия Ивановна,— и стыдно: столько людей ввела в беспокойство своей опрометчивостью.

Вообще я обратил внимание, что, о чем бы ни рассказывала Евдокия Ивановна, она невольно подводила к мысли о том, какие замечательные люди собрались в ее «Курском», как дружно они живут и готовы всегда прийти друг другу на помощь. Я узнал от нее об Абдыкалыке Мусине, который учительствовал в этих местах еще в тридцатых годах и сегодня увлекает мальчишек историей родного края, о главном зоотехнике совхоза Елеусизе Аманжолове, который готов дни и ночи проводить на работе, о Борисе Назаровиче Коломийце, судовом механике из Новоросийска, который повидал за свою жизнь столько стран, а «заземлился» здесь, на целине, в «Курском», и люди избрали его парторгом совхоза...

Когда я познакомился с Борисом Назаровичем, он мне рассказал такой случай. Как-то поздней осенью, не глядя на ночь, зашла к нему домой Евдокия Ивановна — уставшая, пропыленная, видно, только что из поездки. Извини, говорит, но настроение перед сном я тебе испорчу.

— Я грешным делом подумал,— вспоминал Борис Назарович,— что в гараже какой-нибудь запчасти к мое водовозу не нашлось.

Однако тревога ее была за дело, к которому она, можно сказать, не имела никакого касательства. Летом на берегу Ишима установили насосы, чтобы они гнали воду на огороды.

— Помнишь, с каким трудом их доставали? — спросила Евдокия Ивановна.

— Как не помнить,— ответил парторг.

— А мне сдается, что позабыл. Иначе разве допустил, чтоб они до сих пор не были убраны. Ведь не сегодня-завтра снег выпадет.— И добавила устало: — Погубим добро-то.

Борис Назарович вспомнил, как его кинуло в краску. В самом деле, разве он по несколько раз на дню не проезжал мимо этих насосов? А главный инженер? А другие специалисты? Но вот хозяйский глаз кинула на них Евдокия Ивановна, а не они.

— Спасибо за науку,— сказал он ей.— Завтра же уберем.

О неравнодушном отношении Лукьянчиковой не только к своим непосредственным обязанностям рассказывали мне многие. Я приведу здесь только два эпизода.

Случилось это несколько лет назад. Сушь стояла такая, что нечем было дышать, степь

была прожарена, как на сковороде. Евдокия Ивановна подъехала к полевому стану и только собиралась выйти из раскаленной кабины, как на подножку вскокил бригадир и махнул рукой в сторону поля. Она глянула и поняла: стряслась беда — над полем стлался дым. Бригадир едва успел вскочить в кабину. Старенький водовозик мчался к месту пожара со скоростью ракеты. Оказалось, что от шальной искры вспыхнул комбайн. Она бухнула на него две тонны воды, и огонь затих. Его остатки закидали землей. Механизаторы бросились было благодарить Евдокию Ивановну, но увидели лишь хвост пыли, оставленный ее водовозом, и поняли, что она решила сделать лишний рейс, чтобы снабдить полевой стан водой для обычных его нужд.

В другой раз виной случившемуся был вышедший неожиданно из строя молоковоз. Проезжая мимо доильной площадки, Евдокия Ивановна обратила внимание на какой-то переполох среди доярок и завернула к ним. На солнцепеке стояли бидоны с молоком, которое давно должно было быть на приемном пункте. Доярки укрывали их рогожей, чтобы хоть как-то уберечь от солнечных лучей, и на чем свет стоит ругали неповавшийся молоковоз. Эх, была бы у нее бортовая машина! Но разве можно допустить, чтобы ни за что ни про что портился совхозный продукт?

— Грузите, сколько войдет, в кабину! — распорядилась Евдокия Ивановна.— Два бидона привяжем к подножке... А оставшиеся охладим. Тщитце корыта, вода у меня студеная.

В конторе совхоза Евдокия Ивановна добилась, чтобы на доильную площадку была немедленно отправлена бортовая машина, и устроила разнос специалистам, которые допустили эксплуатацию молоковоза на износ.

Помню, когда мы в очередной раз подъезжали к водонапорной башне, Лукьянчикова показала мне место, где когда-то стояли палатки, с которых начинался поселок совхоза «Курский». А я подумал о том, что принадежду уже к тому поколению, которое не застало на целине палаток. Выгоревшую, потрепанную метелями и дождями палатку первоцелинников я видел только в областном краеведческом музее.

Когда день уже клонился к концу, перед самым нашим расставанием Евдокия Ивановна предложила мне показать новую школу. Она говорила о ней с такой гордостью, словно это было ее детище. И, как выяснилось, в какой-то мере так оно и было: Лукьянчикова помогала «пробивать» строительство этой школы, когда была депутатом райсовета. Собрала фотографии разных лет, начиная с 1955 года — в каких только местах не ютились классы, где учились ее сыновья! — и пошла по инстанциям. Настоячивости ей было не занимать.

И вот в результате неподалеку от Ишима выросло красивое трехэтажное здание. Скоро здесь сядут за парты ее внуки. А сама она и сейчас часто приходит сюда, встречается с ребятишками, рассказывает о том, с чего начинался их совхоз, их поселок, как закалялись здесь характеры, как выручали, поддерживали друг друга, не дожидаясь просьбы о помощи. Как раскрывали «секреты» целинных земель и как земли эти откликнулись на заботу рук человеческих.

Сейчас только Тургайская область сдает государству зерна больше, чем весь Казахстан до освоения целины. В прошлом году, когда Казахстан порадовал страну новым, третьим по счету миллиардом пудов хлеба, доля тургайцев составила 112 миллионов пудов — весомый ломоть целинного каравая.

Ребятишки слушают Евдокию Ивановну с интересом. А ей так хочется, чтобы пошли они характером в первоцелинников.

А. ФЕДОРОВ

Совхоз «Курский»,
Есильского района, Тургайской области.

По следам наших выступлений

«Что в прокате?»

Так называлась опубликованная в № 6 за 1977 год нашего журнала статья И. Журавской о проблемах проката, этой самой молодой отрасли сферы услуг.

Заместитель министра бытового обслуживания населения РСФСР А. И. Черняев в ответ на выступление журнала сообщил, что «в статье правильно отражены недостатки в работе пунктов проката, связанные с техническим состоянием предметов проката, организацией их ремонта, рекламой услуг, режимом

работы. Медленно внедряется почасовой прокат, доставка на дом предметов проката».

Тов. Черняев сообщил также, что выступления журнала обсуждены на заседании коллегии министерства. Намечены дополнительные меры по развитию проката. Центральному проектно-конструкторскому и технологическому бюро по непроизводственным и прочим бытовым услугам поручено пересмотреть правила выдачи предметов проката, а также сроки службы и нормы начисления износа прокатного фонда.

«ТЕПЕРЬ

Из «Атлантических
дневников»

И В ЧАС

НАШЕЙ СМЕРТИ...»

Век продолжал всех нас распинать.
...Тюрьма проглатывала миллион людей,
другой миллион уходил в изгнание,
а там еще один миллион
отправляли в печь, превращали в пепел.

Пабло НЕРУДА

Валерия АЛФЕЕВА

Н очью глянцевоый простор бухты Вальпараисо охвачен полукольцом зажатых холмов — голубоватыми, белыми, зелеными, желтыми огнями сияет раскинувшийся по склонам город. Пунктиром огней обозначены хребты, их изгибы, дороги, по которым цветными точками движутся автомобили, горят названия отелей, банков, зажигается и гаснет реклама. Все это сливается в многоцветный огненный покров, который мерцает, переливается в токах воздуха от нагретой за день земли, разгорается и затухает, словно под ветром.

Низко над водой лежит небо с южными созвездиями. И так же свободно разбросаны по черному полукругу бухты огни судов, отраженные в воде размыто и длинно. Пять оранжевых мачт ближайшего к нам сухогруза кажутся гигантскими свечами, поднятыми к Южному Кресту, оплывающими в пламени топовых огней. Между судами и их отражениями скользят рыбацьи лодки с факелами на корме.

А утром к трапу подходит шлюпка и доставляет нас к спускающимся до самой воды ступеням причала.

На людной площади между парапетом набережной и киосками дешевых сувениров — изделия из кожи, меди, открытки, бусы из ракушек и ляпис-лазури — часто встречали студенты, учившие русский язык на курсах при Институте чилийско-советской культуры, и среди них Эухенио и Берта.

— Чао! — поднимала ладонь Берта и, символически чмокнув меня в щеку, выговаривала: — Сегодня хорошая погода.

— Ahora el tiempo esta bueno, — соглашалась я, сразу расходуя большую часть запаса испанских слов, — hace mucho sol, hace color¹.

Этот обмен фразами годился всегда: в октябре весна разрасталась геранью и розами, и каждый день было много, слишком много солнца.

— Куда идем?

— Вперед, — отвечала Берта.

С этой площади, где матросы пили пиво в открытом баре, где звучала английская, французская, немецкая речь, откуда то и дело уходили шлюпки к пароходам на рейде и раз в несколько часов отваливал расцвеченный флагами прогулочный «Аргонавт», начинались для нас все дороги.

Чаще всего мы просто шли в город — мимо таможи, памятника капитану Прату и четырех охраняющих его морских гвардейцев, мимо стоянки автомобилей и резиденции губернатора. По каменному ущелью улицы банков без единого деревца, сверкающей стеклом и медью щитов с названиями по сторонам вхо-

дов. Мимо небольшого уличного базара со свежей рыбой в корзинах, мидиями, устрицами, креветками, сквозь сутолоку и крики торговцев. Дальше по центральным улицам Кондел и Педро Монт, соблазняющим блеском сплошных витрин, рекламы, мишурой оформления, сквозь пестроту, оживленность, мимо кондитерских, кафе, кинотеатров с повторяющимися чаще других словами «muerte» и «amor»² на афишах. Сквозь встречный и параллельный поток мужчин, женщин, из которых по крайней мере каждая третья была вызывающе красива — голубые, лиловые, зеленые тени на веках, смуглая кожа и сумрак глаз под черными ресницами, черные волосы до плеч, расклеванные внизу, узкие в коленях брюки, длинные блузы, сумки на длинных ремнях на плече... По каждой из улиц, параллельных набережной, мы проходили десятки раз, но это не надоедало, это становилось привычным, доступным праздником — здесь не хотелось пользоваться автобусом, в любой конец Вальпараисо мы шли пешком.

Оазисом в каменном переплетении улиц казалась Пласа Виктория. Посреди обведенного пальмами зеленого прямоугольника сквера на пересечении дорожек зеленели поднятые одна над другой чаши фонтана, в бассейне вокруг него отражался Нептун с трезубцем, плавали расплесканные отражения голубых шаров гортензий и детские кораблики. На скамейках в разреженной тени пальм отдыхали горожане. Сквер был выстлан светлой плиткой, на которой четким рисунком лежит тень листьев, и по ней, блестя спицами, гоняли

² «Смерть» и «любовь».

по кругу мальчишки на велосипедах с высоким рулем. Дремал фотограф над аппаратом на треноге. Лоточник раскладывал на скамейке трехцветные чилийские флажки с вертушкой на острие, бумажные зонты, пакеты с миндалем, вафельные трубочки. Здесь же продавали шарики мороженого в вафельных вазочках, мгновенно таявшие, оставлявшие привкус бананов, ананасов, чиримойи. На Пласа Виктория, в этом испанском говоре, в яркости солнца и резкости теней, я каждый раз снова вспоминала, что я на другом полушарии, за океаном...

Но можно было от порта, от Пласа Виктория подняться по серпантину шоссе и увидеть еще один Вальпараисо, на холмах. Кончается шоссе, выше ведут крутые мостовые, пролеты каменных лестниц, стиснутые стенами. Еще выше — зигзаги деревянных лестниц с шаткими перилами и провалившимися ступенями. Все беднее дома, все теснее лепятся по склону. Кончаются и лестницы, карабкаешься по тропам, цепляясь за пыльный кустарник. Можно вознестись на эту высоту и в подъемниках, скрытых за фасадами домов, похожих то на лифты, то на фуникулеры, вознестись в мгновение ока от блеска Пласа Виктория к жалким строениям из фанеры, досок, листов железа, нагроможденным, спрятавшимся одно за другое. Здесь улочки расцвечены застиранным бельем на веревках, которое ветер взвывает, как флаги нищеты. Здесь женщины в фартуках выливают из тазов под откос мыльную воду, в пыли копошатся дети, собаки, куры. «Los hongos»³, — называют эти кварталы бедноты, разрастающиеся, как опята, гибнущие в холоде-

³ «Грибы».

Из новых книг

Валерия Анатольевна Алфеева окончила факультет журналистики МГУ, работала в редакциях газет, на Центральном телевидении.

Ее рассказы, главы из «Атлантических дневников», очерки, проблемные статьи публиковались в журналах «Новый мир», «Звезда», «Вопросы истории», «Семья и школа», в «Литературной газете», «Неделе», «Известиях» и других изданиях.

В качестве журналиста В. Алфеева много ездила по стране. Прошла сквозным арктическим рейсом из Владивостока в Мурманск. Позже участвовала в рейсах научно-исследовательских, промысловых и транспортных судов. В общей сложности провела полтора года в открытом океане. Посетила Южную Америку, Францию, Англию, Канарские острова, ГДР и Польшу, заходя в эти страны с экипажами наших судов.

Впечатления от плаваний легли в основу «Атлантических дневников» и рассказов, включенных в книгу «Цветные сны», которая скоро выйдет в издательстве «Молодая гвардия».

¹ Сейчас хорошая погода. Много солнца, тепло.

ные зимы, задыхающиеся от зноя летом.

И отсюда открывается сказочный вид на океан, на ниспадающие к нему и уходящие по берегу до горизонта холмы, сплошь покрытые кубиками домов, ржаво-красными, серыми скалами крыш. Отчетливо видны пролеты, пересечения улиц, зеленые пятна скверов, прямая колокольня кафедрального собора. И дальше холмы, холмы, застроенные и зеленые, до лиловеющих к сумеркам снежных хребтов на горизонте. Наше судно, из этой дали похожее на зернышко риса, едва заметно смещается по безбрежной синеве бухты, зной плывет над холмами...

Спускаемся немного ниже, к каменному ограждению дороги, Берта усаживается отдохнуть, свесив ноги в выгоревших джинсах над обрывом. Мы с Эухенио стоим рядом, опершись локтями на горячий камень. Берта напевает песенку про синего кота с пушистым хвостом, а Эухенио говорит, что хорошо было бы наняться матросом, уйти в море, увидеть другие народы, понять их обычаи, культуру.

— И тогда забудешь меня,— наклоняет к плечу голову Берта, глядя на Эухенио с высоты ограждения.

При мне они стараются говорить по-русски. — Я посылаю тебе письмо. Каждую неделю. — Каждый день,— качает головой Берта,— два раза—за утро и за вечер.

Ладно, соглашается Эухенио, он не будет стоять за штурвалом, не будет работать, будет только писать письма.

— Сколько тебе лет? — спрашиваю я.
— О, много, девятнадцать.
Берта смеется:
— Подумать только, совсем взрослый. Значит, ты можешь на мне жениться?
— Если ты согласишься—как это?—идти за меня замуж.

— Пожалуй... пожалуй, мне нравится, что мы есть просто старые друзья.

— Claro!... Значит, я не могу на тебе жениться,— глядя на нее счастливыми глазами, соглашается Эухенио.

На новогоднем вечере Института чилийской культуры и экипажа нашего среднего рыболовного траулера «Ноглики», работающего почти год в этих водах, Берту выбрали королевой красоты. Сначала меня удивил такой выбор. У нее милое, округлое лицо, не слишком большие черные глаза с поволокой, нос, слегка осыпанный веснушками. Наверное, надо было увидеть отражение Берты в глазах Эухенио, чтобы ощутить ее чарующую прелесть. Восемнадцатилетняя девочка в джинсах и простенькой трикотажной блузке со шнуровкой на груди, она то была похожа на подростка, когда бегала босиком по ручью и газону ботанического парка, то становилась пленительно лукавой, нежной.

Спускаясь по шоссе, она подталкивала краем босоножки камешек, пританцовывала и упрекала Эухенио в непостоянстве: раньше он обещал ехать с ней учиться в Москву.

— В Москву я тоже хочу, но меня не возьмут, я плохо выучил по-русски!

С прямыми черными волосами над чистым лбом, большеротый, большеглазый, застенчивый Эухенио целиком включался в ее игру, и оба они получали от нее удовольствие.

— Ах, тоже! — восклицала Берта. — Также в Москву и тоже в море. Может быть, и жениться он хочет на Берте и еще тоже на Елене?

Дни, ставшие для меня праздником открытия новой страны, были для самой страны напряженной паузой между угрожающим сентябрем 1972-го и кровавым сентябрем 1973 года, затишьем в эпицентре бури.

Я видела улицы Сантьяго клетчатыми и

ребристыми от сплошь забранных металлических решетками витрин во время забастовки владельцев магазинов и транспорта. На рынках, над лотками с бананами, плодами авокадо, клубникой, над горками картошки и капусты, каждый день появлялись штитки с новыми ценами. Картошку, недавно стоившую 3 эскудо килограмм, поставляли нам уже по 35 эскудо. Взаимчивались цены на одежду, обувь, совсем исчезли мясо, масло, товары перебрались на черный рынок, росла спекуляция. Даже сигареты можно было достать только из-под полы, золотистые пачки «Хилтон» шли по трехкратной цене.

В аристократических кварталах Сантьяго перед фасадами живописных вилл гремели «кастрильные бунты» домохозяек, ожесточенных дороговизной. На улице Лос-Леонес, у скульптурных львов с поднятыми лапами, собиралась молодежь из фашистской партии «Патриа и либертад» под флагами с черным «жуком», откровенно напоминающим свастику. Они шли по авенида Providencia, разбрасывая листовки, между двумя встречными потоками машин или мчались по городу на автомобилях, облепив подножки, капоты и даже крыши, выкрикивая лозунги. Иногда происходили жестокие столкновения между сторонниками и противниками блока Народного единства. До глубокой ночи длились митинги в рабочих кварталах, толпы людей слушали социалистов, христианских демократов, сменявших один другого на грубо склоченных помостах и даже на оградах скверов.

Я видела Сантьяго в дни чрезвычайного положения, когда в столицу ввели войска, когда на всех площадях и перекрестках стояли карабинеры в белых по зелени форм ремнях, в прозрачных пуленепробиваемых касках с такими же щитами, с карабинами наперевес. Так же прекрасны были чилийские женщины на улицах, сверкал фонтан, цвели розы, в театре показывали шоу с танцовщицами, одетыми лишь в белые высокие кивера и узкие набедренные повязки, куплетисты исполняли под гитару грубоватые шутки, актеры разыгрывали сценки с раздвиганиями, изменениями, обманками, с завоеванием могучей конкистадоршей туземца.

И вот эти солнечные дни конца октября, когда карабинеров то ли стало меньше, то ли их перестали замечать, привыкнув, когда показалось, что жизнь вошла в новую, но довольно определенную колею.

Однажды Эухенио предложил показать мне прибрежные дачные поселки по направлению к Вальпараисо. Мы шли пешком до Картахены, где, оказалось, и жил Эухенио.

Перед нами, длинной светлой дугой уходя за мыс, за другой мыс, лежала бесконечная широкая полоса пустынного пляжа.

А слева, в мерном гуле, в пластах текучей мглы, дышал блекло-зеленый океан. Над ним иногда размытым пятном проступало солнце, бросив отсветы на задымленную поверхность. Оттуда шли на нас стеклянные, выровненные на всей своей бесконечной протяженности валы, стеной подступали почти к нашим ногам, просвечивали насквозь прозрачной зеленью и оседали почти без брызг, будто уходили в песок, оставляя на нем мелкие ракушки и каждый раз новый пенный след. Небо было низко, мглито, и морось висела над полосою зеленого приборья.

Этот пустынный берег Картахены, Исла Негро, океанский приборь и потом виллы Альгарро-бо, окруженные газонами с кустами чайных, белых, красных роз, белый песок его бухт и пляжей, белые паруса на воде остались одними из самых ярких и памятных моих видений Чили.

К обеду мы подошли к дому Эухенио, тоже обведенному узким газоном с розами. Его родители пригласили меня обедать.

Чистенькая, загроможденная атрибутами

провинциального уюта комната, коврики, вазы, этажерки, салфетки, ракушки. Мы сидим за столом, на скатерти тарелки с креветками, кофе, белое и красное вино.

— Как вам нравится этот дом и старики, сидящие перед вами? — спрашивает отец Эухенио.

Мне нравился дом и старики. Отец с негромким голосом, скупыми жестами, с пепельной сединой и жестким воротничком накрахмаленной рубашки под дешевым пиджаком, инженер на пенсии. Мать худенькая, подвижная, с крашеной чернотой волос и еще приятным сухим лицом.

— Не хотите ли поехать с нами в Сантьяго?

Эухенио, которого, впрочем, я, как и все у нас на «Ноглики», звала Женей, объяснил, что родители едут на митинг по случаю отъезда Сальвадора Альеде на Кубу, потом в Советский Союз,— жили кварталы заказали автобус. Отец оказался социалистом, одним из основателей партии.

Еще через час автобус въезжал в пригороды Сантьяго. Пассажиры — Женя перечислил: шофер, рабочий, студент, учитель, рабочий... — скандировали:

— Allende! Allende! El pueblo te defiende!

Аламеда Бернардо О' Хиггинс была расцвечена флагами, озвучена музыкой из репродукторов. По мостовой, тротуарам, от фасадов до противоположных фасадов, во всю ширь самой широкой улицы столицы шел народ в сторону площади Итали. Двигались над потоком полотнища лозунгов, флаги партий Народного единства, портреты президента, передвигались ползком грузовики с транспарантами и рабочими в оранжевых касках.

Наконец я оказалась вдавленной в дощатое ограждение перед трибуной, за которым в предвзвешенной суете двигались журналисты, увешанные фотоаппаратами, карабинеры, сидели оркестранты. Рядом, на шатких площадках сколоченной из досок вышки, устраивались теле- и кинорепортеры, нацеливая объективы то на толпу, то на выступавших пока на помосте певцов и гитаристов. Балконы, раскрытые окна многоэтажных домов по обе стороны были заполнены людьми. Группа мужчин с флагами стояла даже на выступе междуэтажного перекрытия высотного дома, на фоне небесной синевы.

Гул усилился, когда вышли трое с гитарами. Женя, зажатый в полуметре за мной, тронул за плечо:

— Виктор Хара.

Он пел политические куплеты, очевидно, хорошо известные публике — две последние строки подхватывала тысячеголосая улица, он задавал вопросы и получал ответы, перебивал музыкальную фразу шуткой, вызывающей смех, он был любим. С вьющимися черными волосами, темноглазый, в черной рубашке и брюках, в широком кожаном поясе с серебряным набором — таким я вижу его потом на фотографиях в траурной рамке...

Президент вышел в сопровождении военных и членов правительства. Как это всегда бывало, он оказался старше своих портретов. Седящие волосы, гладко зачесанные над большим лбом, очки в роговой оправе, седящие усы, серый пиджак, белая рубашка. Поднял руку, прекращая аплодисменты, приветствия. Усиленные репродукторами, разнеслись над толпой первые слова:

— Товарищи! Я прошу убрать лозунги и портреты, чтобы я мог видеть лица собравшихся здесь...

Президент говорил о падении цен на медь, о саботаже на предприятиях, о трудностях с продовольствием, о том, в какие страны поедет и о чем будет вести переговоры, о своей вере в победу...

Женя объяснял мне систему регулирования обесценившихся эскудо и зарплат, повыше-

2 — Альеде! Альеде! Народ тебя защитит!

¹ Ясно...

ной тремя уровнями после инфляции: самые низкооплачиваемые слои даже кое-что выиграли, средние не потеряли ничего, а высокооплачиваемые специалисты, интеллигенция понесли урон. Он говорил, что Альенде выражает интересы рабочего класса, который не составляет в стране большинства, но он не привлек на свою сторону средние слои, и в этом сложность ситуации. Он говорил, что сам не состоит ни в одной партии, потому что ни одна программа не выражает его мировоззрения полностью. Что он не может быть против национализации рудников, но этого мало, он за мир без границ, без насилия, за полное самовыражение каждого народа в мировой культуре и управлении миром... К одной партии он все-таки принадлежал, думала я, — к разноплеменной партии максималистов.

До глубокой ночи бродили мы в толпе, музыке и свете фонарей.

В последний раз я видела Эухенио и Бертю на причале Вальпараисо. Вот отвалила шляпка, а группа студентов русских курсов все стоит на причале, машет руками и, пока мы можем их слышать, скандирует:

— Я люблю «Ноглики»! Я люблю «Ноглики»!
Все, что можно было узнать о Чили позже, я узнавала из газет.

— В Чили совершен военный переворот. — Убитый президент Сальвадор Альенде спешно похоронен. — Военная хунта производит массовые аресты. — Минувшей ночью казнены два бывших министра. — Тюрьмы страны переполнены. Заключенные содержатся в помещениях министерства обороны, военных академий, на стадионах, на военных кораблях, многие отправлены на острова, расположенные вдоль побережья Чили. — Только в одной из столичных клиник зарегистрировано более тысячи смертей. — Информационные агентства сообщают о массовых убийствах. — Сотрудник одного посольства рассказывает, что наблюдал в городе, как собирают трупы убитых ночью. — На стадионе «Насиональ» число узников достигает 15 тысяч человек. — На улицах Сантьяго, как во времена средневековой инквизиции, горят огромные костры из книг... — Врач Ф. Полакофф заявил, что, по его мнению, войсками хунты расстреляно около 25 тысяч человек. — Вдова Пабло Неруды считает, что его смерть была вызвана нынешним положением. — На острова в Тихом океане то и дело отходят корабли с новыми партиями арестантов. — Террор в Чили достиг небывалого размаха. Арестованных пытали электрическим током, накачивали водой, избивали медными палками, покрытыми резиной.

Фотографии. Обугленный дворец «Ла Монедо». Бронемашины и солдаты на Пласа Виктория. Расстрел или обыск людей, лежащих на мостовой лицами вниз. Ведут женщин, заложивших руки за головы. Концлагерь «Насиональ», заключенные под дулами автоматов. Обыск. Облава. Арест. Расстрел...

Страна превращена в концлагерь. В один вечер мне попались строки чилийского поэта Висенто Уидобро:

Поэт, быть может, знает лучше всех,
Что разум сокрушительнее стали...
И эти пять газетных строк:

«На стадион брошен и народный певец Виктор Хара. Он пел заключенным... Ему сначала отрубили кисти рук, потом проломил голову, и тело его повесили рядом с его гитарой».

Мне позвонила женщина, заведовавшая курсами русского языка в Вальпараисо, Наташа:

— Приезжайте, Берта здесь.

Это было невероятно, но Берта сидела в московской квартире.

— Чао! — приподняла она ладонь знакомым

30 сентября 1977 года в Москве видной общественной деятельнице Чили, выдающемуся борцу-антифашисту Ортенсии Бусси де Альенде (на снимке справа) вручена золотая медаль лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

Фото Б. ПОКРОВСКОГО.

жестом, по лицу прошла тень улыбки. Потом, устроившись с ногами в углу дивана, она курила сигарету за сигаретой, рассказывала. Наташа переводила.

Все документы были оформлены, билет на самолет в Москву был датирован 12 сентября. Утром одиннадцатого проснулись... Телефон не работает. Улицы запружены солдатами. По радио передают бесконечные списки разыскиваемых полицией. Друг отца из служащих авиакомпании достал ей билет в Аргентину. Советская виза была зашита в пояс платья. В аэропорту всех раздевали, обыскивали. Думала, может быть, последнее, что она видит, — это стена, каски, приклады.

Отец ее — адвокат, из левых. Каждую ночь, когда на улице останавливалась машина, ждали: сейчас придут за нами. Около дома в квартале Рекрео собрались безоружные люди обсудить положение. Через некоторое время стала слышна стрельба; когда выбежали из дома, увидели первую группу убитых, человек пятнадцать, дальше, в темноте, лежали остальные. Мрага города Серхио Вусковича, брата казненного министра экономики, схватили первым. Серхио — писатель, преподавал литературу, рыжеволосый был и синеглазый, еще до путча шутили: в случае чего придется перекрашиваться, слишком заметен. Ему выбили нижнюю челюсть, постепенно перебили кости рук и ног. Он умирал, когда она улетала. То и дело от причала отходят военные суда с арестованными и вскоре возвращаются без людей...

Ее знакомого четыре дня держали в Итенденсии, резиденции губернатора — помните, мы всегда проходили мимо? — их подвешивали за руки, за все дни дали стакан воды и кусок хлеба, там же, в подвалах, убивали. Она слышала о солдате из Антофагасты, отказавшемся стрелять в заключенных, выстрелившем в офицера. Она видела, как грузили ночью в машины трупы. Плайя Анча теперь концлагерь, и Писагуа, остров Досон, Кирикена, а сколько их на юге страны. Сослали и отца Эухенио...

В глазах ее был горячий блеск, она говорила, иногда повторяясь, курила... Пока я не спросила о Жене. Тогда она остановилась на середине фразы и вышла из комнаты.

...Эухенио действительно не послали учиться

к нам, потому что он не так хорошо «выучил по-русски». Он не ушел в матросы, потому что отец настоял, чтобы он учился. Он поступил в технический университет. Ректором был Энрике Кирберг, коммунист, большинство преподавателей поддерживали блок Народного единства, как и студенты. В день путча они собрались в университете. И уже не вышли из его стен. Их выстраивали в шеренги и расстреливали три дня. До сих пор со стен университета не смыта кровь. Рассказал об этом студент, спрятавшийся в чане в столовой, он не знал, удалось ли спастись кому-нибудь еще. Эухенио тоже ушел утром, больше о нем никто не слышал.

Сын Наташи старался за столом развеселить Бертю, она пыталась ответить ему улыбкой. Мучительно было видеть это напряженное движение губ на милом лице, эти неподвижные, с сухим блеском, обведенные кругами глаза. Она почти не ела, не говорила больше и вздрагивала, когда за окном раздавался короткий звук выхлопных газов — окна выходили на шоссе:

— Кажется, что стреляют...

Через день она уехала в Астрахань: на учебу ее отправили из Чилийского института рыболовства. Все эти дни в Москве шел дождь со снегом, на редкость унылый, промозглый стоял октябрь. Наверное, ей холодно было: в Вальпараисо октябрь — весенний месяц, когда город зарастает цветами, а пригороды утопают в герани и розах.

Я часто слушаю подаренную в Вальпараисо пластинку. Сначала гитарное вступление, потом голос певца, умершего вместе со свободой, как много раз прежде певец и свобода умирали вместе. Как и Неруда, он не мог с этим жить, но до последнего часа пел заключенным о свободе. Он пел, что сегодня мы творим свое завтра. Соединим руки, ведь все мы братья по крови. Сбросим тех, кто нас лишает свободы, создадим наконец справедливый мир. Но для этого мы сами должны быть тверды, как ствол ружья, и чисты, как огонь! И да будет с нами наша сила и храбрость — теперь и в час нашей смерти...

— Ahora y en la hora nuestra muerte... Amen!

¹—Теперь и в час нашей смерти... Аминь.

ПОЭЗИЯ ПРЕКРАСНА

Пьер Гамарра — член Французской компартии, известный поэт, прозаик, критик и журналист. Многие его книги — «Дети нищеты», «Любовь гончара», «Руки людей», «Пиренейская рапсодия», «Тени и свет Испании», «Школьный учитель», «Убийца — Гонкуровская премия» — переведены на русский.

Пафос его творчества — это яростное неприятие фашизма, утверждение высокого достоинства человека труда, агитация против войны и жестокости.

Он верит в гордый человеческий разум, в то, что войну, как и ярость природы, могут обуздать руки людей. Один из сборников его рассказов так и называется — «Руки людей». В молодости Пьер Гамарра был школьным учителем. И любовь к детям, активная, созидательная любовь, освещает его творчество. Для детей он пишет сказки, фантастико-приключенческие повести, маленькие герои которых прекрасны своей верностью в дружбе, рыцарской отвагой, готовностью вступить в бой со злом.

Пьер Гамарра — президент клуба «Друзья детей» при организации «Пионеры Франции». На международном детском фестивале в Москве и «Артеке» он был среди его почетных гостей.

Слово о поэзии, произнесенное писателем на конференции «За счастливое детство в мирном мире» в «Артеке», с его любезного разрешения мы публикуем сегодня в журнале.

Читательницам «Работницы» дружеский привет из солнечного Крыма и лагеря «Артек», где я имел честь присутствовать на фестивале детей, фестивале дружбы и мира.

Пьер ГАМАРРА

Ample drues de Работница
Un Salut bien amical
depuis la Crimée
lualentée et le camp
d'Artek où j'ai l'honneur
d'amiter au festival de
l'Europe, festival de
l'amité et de la paix
Pierre Gamarra
Artek 29.7.1977

Пьер Гамарра в «Артеке».

Фото Н. СВИРИДОВОЙ.

В тот вечер в Ялтинском мемориале я смотрел на шествие детей пяти континентов: они пришли сюда почтить память тех, кто отдал свою жизнь за нашу жизнь, кто заплатил своей кровью и своим разумом за то, чтобы наш мир, наше настоящее были освещены солнцем свободы и мира.

Вокруг нас расстились голубые террасы нежных крымских пейзажей. Море сливалось с закатным небом. На древних склонах город зажигал свои кружевные огни. Я думал о детях. Я думал о людях, которые жили на этой древней земле, обрабатывали ее, строили здесь свои жилища, мечтали, находили здесь любовь и смерть. Думал о тех, кто пришел сюда с моря, с гор, из степей; думал о всех тех, кто отдал свое терпение и свой гений для создания этой сегодняшней земли, в преобразование которой внес свой значительный вклад социализм, отнесясь с большим уважением к наследию прошлого.

В этот теплый и ласковый крымский вечер, когда мерцали огни города и огни факелов в руках детей, я думал обо всем том, что значат для нас пейзажи и образы сегодняшнего дня.

В тот вечер вместе с нами, вместе с жителями города, собравшимися на праздник, дети учились читать свою историю. Они учились понимать истинный смысл и значение страданий прошлого, прошедших сражений, славного героизма, сознательного или безотчетного. Те, кто отдал свою жизнь за нас, сделали это не из тщеславия или жажды славы. Каждый из них был человеческим существом, со всеми его слабостями и его величием. Каждый из них сражался за насущный слаб, за каждодневную свободу, за каждодневную поэзию. Каждый из них в своей памяти хранил точные и личные образы, картины.

И тем не менее каждый отдал свою жизнь не только за свою собственную семью, за свою собственную родину, за своих поэтов, но за всех людей земли.

* * *

Учиться читать. Эта фраза, родившаяся под моим пером, мне кажется очень важной. Она имеет очень большой смысл, и над ней следует поразмыслить.

Первый, очень важный, основной ее смысл — это обучение грамоте, умение расшифровать написанное. Одним из наиболее выдающихся изобретений человеческого разума было изобретение письма. Какие огромные шаги совершил homo erectus (человек выпрямившийся), когда он превратился в homo sapiens (человека разумного), отправившегося в длинный путь символов, смысловых знаков!

Какую экономии времени совершил этот древний предок в передаче своих мыслей, своего накопленного опыта, изобретя письмо! Какой шаг сделал он для расширения своих знаний, своих чувств, своей общительности, одним словом, своей человечности, выраженной или формировавшейся в его сознании.

Ведь читать — это не только уметь расшифровать текст. Это значит уметь видеть за черными маленькими муравьями букв и знаков пейзажи и лица, понятия и эмоции.

Воспитатели хорошо знают, что ограничить обучение чтению обучением механизму чтения, умением расшифровывать знаки означало бы лишь поверхностно приблизиться к этому процессу.

Читать — это не только произносить, читать вслух, хотя на определенном этапе учить этому необходимо. Читать — это значит глубоко проникать в прочитанное, не останавливаться на поверхности, проникать глубоко в текст для того, чтобы понимать всю его красоту, а при необходимости уметь разгадать его ловушки.

Истинное умение читать приводит в действие все ресурсы человеческого разума, именно те ресурсы, которые важно развивать у ребенка: внимание, память, умение спрашивать, способность к собственному суждению, к сопереживанию и — как конечный результат — осознание своей человечности, своего человеческого могущества и своих огромных возможностей.

Из этого ясно, какая большая ответственность возложена на обучение с первых лет жизни человека.

Учить читать — это немало, это огромная задача! Это дорога к тонкости, к истинной красоте, созданной человеческим разумом. Начиная с раннего детства с ребенком следует говорить о поэзии, учить понимать поэзию, привлекая для этого самых великих творцов.

Такие гениальные умы, как Горький, сознавали это всегда. И после победы Октября именно Горький основал библиотеку для детей и юношества, к работе над которой привлек самых крупных писателей и поэтов.

В наши дни в некоторых странах не вдумываются в эту необходимость: иметь большую литературу для маленьких (кажется, это выражение принадлежит Льву Кассилю). Делают большую ошибку, полагая, что предназначенное для маленьких должно и быть маленьким.

Нет, то, что предназначено для маленьких, должно быть большим со всех точек зрения. Поэзия и сказки для детей, даже самых маленьких, должны иметь большое содержание.

Некоторые у нас считают необходимым поощрять то, что они называют поэзией самих детей, думая тем самым оказать честь

ребенку. Конечно, дети с удовольствием занимаются поэтическими упражнениями, но свести поэзию только к этому было бы демагогией.

Для нас важно не пытаться создавать шестилетних Пушкиных, а научить всех детей быть вдумчивыми читателями, только тогда, возможно, в завтрашнем дне проявится свой Пушкин.

Следовательно, в распоряжение ребенка—молодого человека—необходимо предоставить самые широкие источники поэзии. Здесь я употребляю слово «поэзия» в очень широком смысле, в том, в котором его употреблял Жан Кокто (писатель, художник, драматург.—Ред.), когда говорил о поэзии сказки, искусства, театра.

Разумеется, учить читать—это научить читать внимательно, тонко, с критическим взглядом не только произведения поэтов и романистов, но и научные книги, исторические очерки, письмо своей невесты, ежедневную газету.

Если я уделяю больше внимания литературному творчеству, то это потому, что оно мне представляется основным в воспитании и формировании человеческого разума. Многие великие ученые говорили, что поэзия помогает поиску, так как она помогает разуму одновременно приобрести мощные крылья воображения, остроту и тонкость восприятия в изучении нынешней реальности.

И если рассказчик, поэт дает нам возможность роста умственного и гуманного—это означает, что он взволновал, затронул душу и оставил в ней след. Он принят нами, как новые образы, новые ощущения—он помог нам завоевать новую часть нашего мира. Именно такая поэзия питает то, что принято называть читательской страстью, тот дух изобретения и полета, который заложен в каждом ребенке и который проявляется очень рано, даже если формы этого проявления нам кажутся незначительными, неловкими и хрупкими.

Наслаждение от чтения литературного произведения соединяется с наслаждением открывать неведомое в формах и возможностях самой поэзии.

Каждый поэт, каждый рассказчик представляет свою землю, свой народ. Самые крупные гении, поэты, которых называют всемирными, обычно несут отпечаток своей земли, своего края.

И Чехов—русский, Пиранделло—итальянец, Фолкнер—уроженец США. В возвышенной песне человеческого разума, которую мы слышим в самых прекрасных поэмах, звучат отголоски песни целого народа, нации. Когда я думаю о человеческой справедливости и вспоминаю Толстого, я вижу русского крестьянина с косой, шагающего размеристым шагом.

Мопассан неотделим от Нормандии. Всемирный гений Неруды неотделим от латиноамериканской земли в целом и особенно от чилийской земли. Когда Неруда говорит: «Свобода»,—мы думаем о многих странах, но прежде всего в нашей памяти трепещет пламя Чили.

Читать—это не только учиться пассивно воспринимать. Читать—это самому отыскать главную мелодию сказки или поэмы. Это значит по-своему вновь создать для себя «Войну и мир» или «Отверженных». И это верно, что каждый из нас на разных этапах своей жизни по-новому прочитывает, то есть иначе и вновь создает для себя произведения, которые знал, читал, но изучает вновь, узнавая гений создателя и в то же время вновь находя там себя, вновь обретая способность мыслить, переживать. И еще: научиться читать—значит научиться творить.

Не будет демагогией сказать, что каждый из нас творец, каждый поэт по-своему. Обучение, которое мы желали бы нашим детям, должно помогать им подниматься все выше в постижении поэзии—к процессу творческого созидания.

Создать поэтический мир на земле мира и благосостояния—вот к чему мы должны стремиться. Поэтический мир не в смысле мира иллюзий, искусственности, тщеславия, а в смысле явственности и плодотворности мечты.

Эти дети, улыбающиеся лица которых мы видим вокруг нас,—они творцы будущего. Давайте научим их читать: продвигаться вперед, постигая тайну неизведанного, познавая иероглифы земли людей, продвигаться вперед, через пустыни и заросли к землям завтрашнего дня. Молодежь проложит туда дороги, посадит сады, построит мосты и создаст машины. Они также создадут там романы и поэмы, которые будут очень тонкими и очень прочными мостами между людьми и помогут людям понять друг друга и познать друг друга в их повседневной жизни со всеми ее мелочами и большими задачами. Эти дети, которые играют и поют в «Артеке» вокруг нас, будут создателями поэзии завтрашнего дня.

Я говорю «поэзия», и это означает для меня жизнь и мир. Если поэзия питается возвышенными страданиями, которые человек вынес и несет за свое освобождение; если она знает цену пролитой крови и слез (как говорится в нашей «Песне партизан»), эта поэзия необходима, она требует жизни и мира.

Поэзия прекрасна потому, что она основана на любви, на справедливости, на братстве всех людей, идущих по пути реального будущего.

**Последите
за собой,
пожалуйста**

Встречаем зиму

Ярким зимним днем разгрянувшись от мороза лица кажутся свежими, помолодевшими. Но в хмурю, серую погоду замечаешь вдруг, как поблекло и поблдело лицо, с которого исчез последний след летнего загара.

Не спешите винить в этом зиму. Причины скорее всего в нас самих, вернее, в нашем образе жизни. Зимой человек должен больше спать. Вы выполняете ли мы это правило? Много бывать на свежем воздухе, а мы сплошь и рядом предпочитаем отсиживаться в помещении, в тепле. Наконец, правильно ли мы питаемся, следим ли за тем, чтобы в пище было достаточно витаминов?

● Старайтесь зимой спать не меньше 8 часов. Не сидите подолгу перед телевизором, ложитесь пораньше, хорошо проветрите комнату. Полезно погулять перед сном хотя бы полчаса. Если не можете выбраться на улицу, распахните окно и сделайте несколько глубоких, всей грудью, вдохов и выдохов.

● Не наедайтесь на ночь. Лучший ужин для женщины среднего возраста—стакан томатного сока или кефира. Можно добавить к этому минимуму еще немного творога, овощей. Обильные чаепития с вареньем и булками, если уж не можете от них отказаться, перенесите на дневные часы, на выходные дни.

● Утром снова подышите при открытом окне, сделайте зарядку, примите душ и энергично разотрите тело жестким полотенцем.

● Завтрак только горячий. Вместо кофе и крепкого чая лучше пить молоко. Старайтесь меньше есть хлеба, сахара и включать в утреннее меню салаты из сырых овощей, соки или отвар шиповника. Очень полезно, например, съесть два тертых яблока, политых соком лимона и ложечкой меда, или морковь со сметаной.

● Пейте побольше, чтобы удалять из организма засоряющие его шлаки. Особенно полезны молоко, кефир, соки, вода с настоем трав или с медом.

● Максимально сократите (если не можете полностью исключить) упот-

ребление алкоголя, острых, пряных блюд и, конечно, курение. Табак—злейший враг здоровья, он портит цвет лица, прибавляет морщин.

● Если вы чувствуете себя уставшей после ванны или душа, разотрите тело жесткой щеткой или шерстяной рукавичкой. Начиная с ног (массируйте их резкими круговыми движениями снизу вверх), затем руки от пальцев к плечам и все тело в направлении к сердцу. И еще один способ быстро снять усталость. Налейте в таз холодной воды и погрузите в нее руки по локоть. Через две минуты вытрите руки и сделайте несколько гимнастических упражнений.

● Обратите внимание на шею и лицо. Теплое растительное масло вотрите в кожу шеи, затем оберните вокруг шеи чистую тряпочку, а поверх нее полотенце. Через полчаса снимите все это и обмойте шею теплой водой.

● Прекрасно освежают кожу косметические маски. Сначала очистите лицо (протрите лосьоном, косметическим молоком, просто умойтесь: все зависит от того, какая у вас кожа), нанесите тонким слоем маску и спокойно полежите минут 15—20, закрыв глаза и не разговаривая, ноги поместите на валике дивана или на подушке так, чтобы ноги были приподняты и отдохнули. На глаза можно положить тампоны ваты, смоченные в теплой чайной заварке или трехпроцентном растворе борной кислоты.

● Какую сделать маску? Это зависит от того, что найдется дома: творог, кефир, яичный желток, мед, любые тертые фрукты и овощи, например, морковь, яблоко.

● Маски масками, но не забывайте и ежедневно пользоваться кремом, подходящим для вашей кожи, а вот косметикой не увлекайтесь. Сейчас не модно сильно подводить глаза, пудрить лицо. Самая лучшая косметика—та, которой не видно. Цвет губной помады предпочтительно светлый.

● Если у вас под глазами мешки, прежде всего обратитесь к врачу. И только если выяснится, что это не связано с каким-либо заболеванием, испробуйте наш совет: ванночки из отвара шалфея. Чайную ложечку сухих листьев шалфея залейте полстаканом кипятка, прикройте и через несколько минут процедите. Половину настоя остудите, вторую половину снова подогрейте. Намочите два ватных тампона в горячем настое, слегка их отожмите и приложите к закрытым глазам. Когда тампоны остынут, замените их новыми, намоченными в холодном настое. Через несколько минут вновь горячие и так несколько раз. Кончайте всегда холодным тампоном, после чего нанесите на веки и под глазами немного крема. Такие компрессы рекомендуется делать через день в течение месяца.

Мода меняется незаметно. Не успеешь оглянуться, как вещи, недавно казавшиеся современными, уже не модны. Посмотрите, как без лишних затрат и хлопот можно переделать на новый лад старую одежду.

Пальто прямого покроя с узкими рукавами кажется сейчас слишком строгим. Свяжите из толстой пряжи — однотонной или меланжированной — широкие рукава. Линия пальто изменится, оно будет выглядеть более современным.

Короткое приталенное пальто покроя редингот нетрудно переделать в жакет спортивного типа. Уко-

ротите его, закруглите полы и носите с юбкой или брюками.

Платье прямого покроя легко превращается в модную блузу. Отрежьте нижнюю часть платья, выкроите из нее большой воротничок-хомут и манжеты. Блузу можно носить с поясом или ремешком, свободно лежащим на бедрах.

Английскую блузку, так называемый «батник», теперь носят поверх тонкого прилегающего свитера. Пуговицы до конца не застегнуты, рукава завернуты выше локтя, на бедрах — пояс.

Рисунки Н. ДОБРОВОЛЬСКОЙ.

Советуют читатели

ОЛАДЫ МОРКОВНО-ЯБЛОЧНЫЕ

На мелкой терке натрите морковь, влейте кефир, всыпьте манную крупу, добавьте яйца, предварительно взбитые, соль и соду, погашенную в уксусе. Перемешайте. Дайте постоять полчаса. Натрите яблоки на крупной терке, если очень сочные, то нарежьте мелко ножом. Вымытый чернослив мелко нарежьте и вместе с яблоками добавьте в тесто. Перемешайте. Жарьте оладьи на подсолнечном масле, подавайте со сметаной или вареньем.

На 400 г моркови: 2 яблока, 3 столовые ложки кефира или ряженки, 2 столовые ложки манной крупы, 4 чайные ложки сахарного песка, 2 яйца, 100 г чернослива, четверть чайной ложки соды, соль по вкусу.

ЛЕНИВЫЙ ПИРОГ

Дрожжи замочите в воде. Яйца разотрите с сахаром, масло или маргарин растопите, смешайте с яйцами и дрожжами. Влейте сметану, добавьте соду, погашенную в уксусе, ванилин и соль. Всыпьте муку и замесите тесто. Разделите его на две части и раскатайте скалкой. Выложите одну лепешку на противень, положите начинку — свежие яблоки или варенье, по виду, творог и закройте второй лепешкой.

Готовый пирог на два часа поставьте в теплое место, а когда тесто поднимется, выпекайте, предварительно смазав пирог яйцом и посыпав корицей с сахаром. Пирог получится мягким, рассыпчатым, на второй день он еще вкуснее.

На полпачки дрожжей: пол чайной ложки соды, 100—150 г сливочного масла или маргарина, 2 яйца, 200 г сметаны, стакан сахарного песка, соль по вкусу, мука 550—600 г.

РЫБНО-ОВОЩНАЯ ИКРА

Отварите и очистите от костей рыбу — хек, треску, скумбрию. Измельчите. Отваренную морковь натрите на терке. Нарезанный репчатый лук поджарьте на растительном масле и туда же добавьте томат. Смешайте рыбу, морковь, отварной картофель, томат с луком и яйца, сваренные вкрутую,

посолите, поперчите, добавьте немного уксуса или разведенной лимонной кислоты, растительного масла или майонеза.

На 400 г рыбы: 2—3 моркови, 2 луковицы, столовую ложку зелени — петрушки, укропа, 2 яйца, 2 столовые ложки томата-пасты или острого соуса, 2 картофелины, соль, уксус — по вкусу.

КАРТОФЕЛЬНЫЕ ПОНЧИКИ С ЧЕРНОСЛИВОМ

Отварите картофель и пропустите через мясорубку, добавьте яйцо, муку, соль, сахар и все перемешайте. Мелко нарежьте распаренный чернослив. Сделайте из картофельной массы лепешки, положите на них чернослив и слепите пончики круглой формы.

Обмакните пончики во взбитое яйцо, обваляйте в сухарях и жарьте в кипящем растительном масле. Горячие пончики подавайте со сметаной, холодные — посыпьте сахарной пудрой.

На 500 г картофеля (5 средних картофелин): стакан муки, 1 яйцо в тесто и 1 яйцо для смазки, 200 г чернослива, сахар и соль по вкусу.

г. Киев.

А. ХОДАСЕВИЧ

ТОРТ «ПРАЗДНИЧНЫЙ»

Разотрите добела желтки 6 яиц и стакан сахара. Добавьте к ним ванилин, 1,5 стакана сметаны и 2,5 стакана муки. Перемешайте.

Сбейте в крепкую пену 6 белков, постепенно добавляя 3 чайные ложки сахара, чтобы белки не оседали. Взбитые белки осторожно выложите в приготовленную массу и перемешайте движением сверху вниз. Смажьте маслом форму, посыпьте сухарями и выпекайте 20—25 минут в нежаркой духовке.

Готовый торт выложите на блюдо и обсыпьте сахарной пудрой. Можно залить его помадкой: вскипятите полстакана молока, всыпьте в него стакан сахара, добавьте ванилин и немного все поварите. Помадка готова, если капля кипящей помадки, брошенная в стакан с холодной водой, оседает на дно в виде лепешки. В горячую массу добавьте чайную ложку сливочного масла и, размешав, залейте ею остывший торт. Украсьте торт цукатами, ягодами из варенья, орехами.

А. ВВЕДЕНСКАЯ

г. Москва.

На первой странице обложки: Наш юбилей. Работа художника В. Розанцева.

На второй странице обложки: Красная площадь праздничная. Художник Б. Домашников.

В середине этого номера помещен текст новой Конституции СССР. Выньте эти страницы и сложите их книжечкой.

Бесплатное приложение к этому номеру не дается.

Главный редактор В. Е. ВАВИЛИНА

Редакционная коллегия:
А. П. БИРЮКОВА, И. Г. ВОЛОБУЕВА,
Д. Т. КАРАСЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО,
М. И. РОЖНЕВА, З. Н. ТИМОФЕЕВА
(зам. главного редактора),
А. Г. ХРИПКОВА, Р. А. ЭЛЬДАРОВА.

Адрес редакции:
101458, Москва, А-15, ГСП-4,
Бумажный пр., 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:

промышленного — 250-11-72; международной жизни — 250-44-80; литературы и искусства, коммунистического воспитания — 250-12-30; семьи и быта, науки и антирелигиозной пропаганды — 250-11-93; художественного оформления — 258-14-13; писем — 250-57-38; массовой работы — 250-44-80; зав. редакцией — 253-30-05.

Сдано в набор 23/IX 1977 г.
А 00413. Подписано к печ. 15/X 1977 г.
Формат 60 × 90¹/₈.
Усл. печ. л. 5,00. Уч.-изд. л. 8,90.
Тираж 12920000 экз.
(1-й завод: 1—11173800 экз.).
Изд. № 2473. Заказ № 1241.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-47, ГСП-4,
улица «Правды», 24.

Оформление художника
Г. П. ГОРСТИНОЙ

Технический редактор
Н. И. МАКАРОВА.

МОДА

Новые модели предлагают художники Москвы, Тбилиси, Вильнюса, Минска, Киева и Ташкента.

Фото И. БУТЕЕВА.

В. ШУМИЛИН

Я ПОЧТАЛЬОН!

Я занят, очень занят,—
 Ношусь по этажам.
 Веселые открытки
 Несу на праздник вам.
 Взгляните на открытки:
 Таких в киосках нет.
 На них сверкает солнце
 И солнечный букет.
 Дарю, дарю открытки
 Я всем своим друзьям,
 Звоню во все квартиры,
 Ношусь по этажам.
 — Постой! — кричат ребята.—
 Откуда ты их взял?
 — Откуда? Да из дома!
 Я сам нарисовал.

САЛЮТ

«Ба-бах!»
 Загораются в небе
 Цветы.
 Летят они прямо
 На нас с высоты:
 Зеленый, оранжевый,
 Розовый цвет.
 Сейчас я поймаю
 Огромный букет!
 Он будет стоять
 У меня на окне,
 Прохожие станут
 Завидовать мне,
 Откроют они
 В удивлении рты:
 — Вот это букет!
 Чудеса — не цветы!
 Скажите, в каком
 Их растили саду?
 Но тают, но тают
 Цветы на лету.

ЛЕТАЮЩИЕ БУКВЫ

Небо стало чистым, ярким,
 В небе тучки — ни одной.
 Слово чистый лист тетрадки
 Нависает надо мной.
 Буквы по небу летят
 Высоко над нами,
 Мчатся буквы на парад
 Целыми словами.
 Я кричу «Ура!» крылатым,
 Быстрым, праздничным строкам.
 «Миру — мир!» — вокруг ребята
 Вслух читают
 По слогам.
 Это летчики-пилоты
 В день большого торжества
 Водят буквы-самолеты,
 И летят, летят слова.